

А Д А М
И И Е Х И Т А

ТЕНЬ

MATERIA PRIMA

fanzon

Адам Пшехшта

Тень

Серия «Fanzon. Польская фантастика»

Серия «Materia Prima», книга 3

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66324420

Тень: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-158139-8

Аннотация

Варшавская республика пытается сохранить нейтралитет, балансируя между двумя державами: Германией и Россией. Однако у молодой республики все больше проблем. В анклавах появляются прямые посланники Проклятых, и Слово силы, давшее полякам победу, уже известно всем сторонам конфликта.

Граф Самарин и барон Рудницкий втянуты в водоворот политических и светских интриг, и это не единственная и даже не самая большая опасность. Кто-то поклялся убить их. И всех таких, как они. К тому же и в Берлине, и в Санкт-Петербурге крепнет убеждение, что пора атаковать. Польская армия готовится к финальному противостоянию, однако командование понимает, что никакая стратегия не позволит победить противника, имеющего двадцатикратное

численное превосходство. Только время покажет, кто умрет, а кто
выживет...

Содержание

Глава I	6
Глава II	39
Глава III	79
Глава IV	114
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Адам Пшехшта

Тень

© Шевченко И.А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Глава I

Лампа померкла, потом внезапно засияла, как падающая звезда, и, наконец, заиграла всеми цветами радуги. Рудницкий вздохнул, подкрутил фитиль, после чего склонился над больным. Ослепленный очередной вспышкой, он потер глаза и гневным жестом отодвинул бутылочку с лекарством. Помогло. Само присутствие первичной материи влияло на реальность удивительным образом.

– Как вы себя чувствуете? – нейтральным тоном спросил он.

Яков Охлс не принадлежал к числу любимых пациентов Рудницкого, возможно, из-за его профессии: господин Охлс был ростовщиком.

– Лучше, доктор, – прохрипел тучный пожилой мужчина. – Мне стало легче дышать.

Алхимик кивнул, приложив два пальца к его сонной артерии. Липкая, влажная от пота кожа на ощупь напоминала несвежее сало.

– Девяносто в минуту, – заявил алхимик через минуту. – В последний раз было сто двадцать.

– Я же говорю, что мне уже лучше! Только за такие деньги я ожидал более быстрых результатов, – грубо добавил он.

– В любую минуту вы можете отказаться от моих услуг и

попросит совет у другого доктора, – холодно произнес Рудницкий.

Алхимик уже давно смирился с тем фактом, что улучшение здоровья пациента идет рука об руку с растущим нежеланием выполнять финансовые обязательства.

– Ну что вы сегодня такой вспыльчивый? – прохрипел Охлс. – Вы хотите бросить меня на половине лечения?

– Десять рублей, – заявил Рудницкий, игнорируя вопрос. – Микстуры хватит на неделю.

Ростовщик с болезненным стоном сел и потянулся к ящику в столе.

– Вот, пожалуйста, – сказал он, кидая на стол горсть серебра. – Дороговато, но что делать?! Здоровье важнее денег.

Рудницкий вытащил лупу и осмотрел одну из монет: фальшивые в основном отливали, а не чеканили, потому их легко было отличить по неточным деталям, случались небольшие углубления в местах, где металл не прилегал к форме.

– Я бы не стал вас обманывать, – отозвался Охлс с обидой в голосе.

– В течение последней недели мне уже дважды платили фальшивыми рублями, – сухо ответил алхимик. – Отсюда и предосторожность.

– Вы правы, расплодилось мошенников, – признал ростовщик. – Но не для меня, я предпочитаю честную работу.

Алхимик с трудом удержался от комментария на тему

честности – Охлс действовал ему на нервы – и, попрощавшись с хозяином, вышел в коридор. Высокий слуга открыл ему двери, которые сразу же за ним запер. Судя по всему, ростовщик не доверял своим собратям.

Стеклянные плафоны газовых фонарей светились в ночном мраке, словно миниатюрные солнца, конкурирующие с полной Луной. Заметив алхимика, кучер спрыгнул с козел и ловким движением разложил складную лестницу. Рудницкий поблагодарил кивком и занял место в карете.

– В отель! – распорядился он.

Экипаж покатил по мостовой, но резко остановился, проехав едва ли несколько метров. Тихое проклятие и щелчок взводимого курка говорили о том, что причина неожиданной остановки вызвала у кучера подозрения.

– Что случилось? – выкрикнул алхимик.

– Мне кажется, к вам гостя, – ответил кучер.

Рудницкий вышел из кареты: кучер держал на мушке одетую в черное женщину. Лицо незнакомки прикрывала вуаль.

– Чем могу помочь? – любезно спросил Рудницкий.

– Разговором. Возможно, советом.

– Сейчас? В такое время? Почти одиннадцать вечера.

– Если бы дело не было срочным, я бы не морочила вам голову. Я жду тут целый час.

– Одна?! Это небезопасный район.

– Я не безоружна, а недалеко отсюда меня ждет карета. До того как мы доедем до вашего отеля, я успею изложить свою

проблему, естественно, я заплачу за ваше время.

– Ну хорошо, прошу в карету, – после недолгого размышления решился Рудницкий, сдержанным жестом останавливая кучера.

Это был один из людей Анквича, и он не только служил кучером, но и заботился о безопасности алхимика. Сейчас он собирался проверить, есть ли у незнакомки при себе оружие, однако, смертельно устав от общения с ростовщиком, Рудницкий не хотел еще и разборок с загадочной женщиной.

– Слушаю, – сказал он, усаживаясь в карету.

Женщина подняла вуаль, но царящий полумрак не позволил определить ее возраст, хотя четкий овал лица говорил, что ей не больше сорока.

– Клара Росси, – представилась она.

Рудницкий пожал тонкую ладонь в кружевной перчатке.

– Вы упоминали о какой-то проблеме, – напомнил он.

– Да, – произнесла она, закусив губу. – Одну из моих девочек нашли мертвой на свалке, а две другие пропали.

– Я не совсем понимаю, – наморщил брови алхимик. – Я думал, что речь пойдет о здоровье...

– Не совсем. Скорее, это как-то связано с магией.

– Почему вы так уверены? Вы должны сообщить об этом властям.

– Я сообщила. И, поверьте мне, полиция делает все, что может. Однако я боюсь, что это дело им не по силам.

– Если полиция...

– Алису нашли без головы, с оккультными знаками на теле, – резко прервала она его. – Что-то подобное уже случилось во времена российской оккупации, и меня проинформировали, что вы принимали участие в расследовании того дела.

– Только как консультант, – быстро ответил Рудницкий.

– И каков был финал этих консультаций?

– Насколько мне известно, убийца найден.

– И что с ним случилось? Ведь не было никакого процесса.

Он убежал из тюрьмы?

– Не убежал.

– А поконкретнее?

– Это сложное дело, и я не знаю всех деталей.

– Он не мог вернуться?

– Ни в коем случае!

– Тогда у него есть последователь. Или это тоже невозможно?

– Тут как раз совсем наоборот, – хмуро сказал алхимик. – Сколько лет было девочкам? Когда они исчезли? Вы оставили их без присмотра?

– Без присмотра? Они же не дети.

– Я думал, что вы управляете пансионом для барышень или приютом.

Губы женщины дрогнули в нервной ухмылке.

– Управляю, но они все уже окончили школу. Вы не читаете газет, правда? Тех, что со сплетнями?

– Не читаю, но при чем тут это?

– Вы слышали про «Золотой дворец»? – спросила она с почти неуловимым вызовом в голосе.

Алхимик невольно скривился. «Золотым дворцом» называли элитный, доступный только для избранных публичный дом. Молва утверждала, что женщины там больше напоминают греческих гетер, чем проституток, не только из-за красоты и образования, но и потому, что они сами решали, кому и на каких условиях... составлять компанию.

– Вы уверены, что полиция действительно пыталась найти убийцу? Ведь такие дела не вызывают у властей заинтересованности. Подумаешь, одной проституткой больше, одной меньше.

– У Алисы был только один мужчина, что не могут сказать о себе те благочестивые в старости чудовища с первых лавок в костеле! И не смейте называть ее проституткой!

– Я не хотел вас обидеть, тем более...

Карета остановилась, Рудницкий через окно увидел фасад «Пристанища».

– Мы приехали, – сказал он.

– Я не вложила в отведенное время, – вздохнула Клара Росси. – Если мне не удалось заинтересовать вас этим происшествием, то я заплачу вам сто рублей, согласно моему обещанию. Но если вы мне позволите закончить, то заплачу пятьсот.

Алхимик молча помог женщине выйти из кареты и про-

водил ее в холл отеля. Яркий электрический свет позволил ему лучше оценить ее возраст: госпоже Росси было за пятьдесят, хотя на первый взгляд ее лицо могло принадлежать и тридцатилетней красивой молодой женщине. Только сеточка тонких, как паутинка, морщинок в уголках глаз и теряющий упругость подбородок свидетельствовали о том, что она была старше, чем выглядит.

– Что вы решили? Мы можем продолжать?

– Конечно, вы меня заинтересовали. Чай, может, кофе?

– Кофе, пожалуйста.

Они устроились в углу зала за любимым столиком алхимика. Присутствие работодателя явно подстегнуло официантов к молниеносному выполнению заказа: в воздух взлетела белоснежная накрахмаленная скатерть, как по взмаху волшебной палочки появилась фарфоровая посуда.

Клара Росси выразила свою признательность взмахом руки в кружевной перчатке.

– Прекрасное обслуживание!

– Стараемся, – ответил Рудницкий. – Вернемся к делу...

– Вы должны понять одно, – сказала она, помешивая кофе серебряной ложечкой. – У нас много могущественных врагов.

– И каковы причины?

– Что вы о нас знаете?

– Ничего конкретного. – Он пожал плечами. – До меня доходили какие-то сплетни, только и всего.

– Мы не продаемся, как проститутки, – сказала она. – Телесные наслаждения – это только дополнение. Прежде всего мы предлагаем красоту, интеллект и, как бы это странно ни звучало, верность. Наши девочки знают несколько языков, начитанны и образованны, они могут легко себя чувствовать и при королевском дворе.

– Несмотря на все это...

– Мы никого не заставляем, – настойчиво продолжила она. – Девочки сами выбирают свою судьбу, а также партнеров. На время, на сезон, на несколько лет или на всю жизнь. Да, многие из них выходят замуж, – добавила она, заметив недоверчивый взгляд алхимика. – Они пользуются уважением и почетом, а благодаря контракту становятся богатыми.

– Контракту?

– Клиент должен финансово обеспечивать ее. Это основное, хотя не единственное условие. Потому большинство желающих уходят ни с чем.

– А конкретнее, кто именно?

– Я бы перечисляла их всех до утра, – заверила она. – Всех мастей хлыщи, ловеласы, игроки, сифилитики... Те, кто, несмотря на состояние, не может иметь ни одну из нас. Ну и самое важное: клиент должен понравиться своей избраннице. Если я буду вдаваться в подробности, это займет слишком много времени, просто поверьте мне на слово.

– Я так понимаю, что эти пропавшие девочки не могли просто взять и уехать по собственному желанию?

На лице Клары Росси промелькнула злость, но женщина быстро взяла себя в руки:

– Только не таким образом! Я вам повторяю, я никого не удерживаю! Да, мы не благотворительная организация, и процент, какой мы берем с каждого контракта, дает нам значительную прибыль.

– Нам? То есть не только вы управляете этим... предприятием?

– Это не имеет никакого отношения к делу, – сказала она тихо. – Скажем так, я представляю администрацию.

Рудницкий глотнул кофе, чтобы потянуть время. Проблема была серьезной: с одной стороны, ему не хотелось принимать участие в расследовании дела даже самых эмансипированных проституток, с другой – если в игру вступает магия, а что еще хуже – *theokataratos*, рано или поздно власти обратятся к нему за помощью. Отношения Рудницкого с правительством Варшавской республики были довольно сложными, он не выполнял никакой официальной функции, но в связи с его предыдущими достижениями к нему относились особым образом, обеспечивая привилегированное положение в продаже первичной материи, а также, как он предполагал, и тайную охрану. А врагов у него было достаточно... Если власти обратятся к нему, он не сможет отказаться.

– Ну ладно, – наконец сказал он. – Я займусь этим.

– Спасибо! Я...

Алхимик остановил Росси решительным жестом.

– Я не закончил. Я возьмусь за это дело при условии, что все мои распоряжения будут выполняться сразу и без обсуждений. Буквально! Если я прикажу вам стоять на одной ноге и крутить руками восьмерки, вы будете это делать без возражений!

– Согласна! – быстро ответила она. – Я согласна на все.

– В таком случае увидимся завтра. Куда вас отвезти?

– Во дворец Любомирских, на Пулавскую.

Рудницкий позвал стоящего невдалеке Маевского.

– Ты знаешь, что должен делать, – сказал он.

Щуплый мужчина окинул Клару Росси оценивающим взглядом, после чего кивнул.

– Мне нужно два экипажа, – заметил он. – И парочка парней.

– Бери, – разрешил алхимик. – Работай.

Маевский подтвердил принятие приказа невнятным бормотанием и поспешил к выходу.

– Моя карета будет тут с минуты на минуту, нет надобности привлекать ваших людей. К тому же наше здание хорошо охраняется, – заверила женщина. – Да, чуть не забыла... ваши деньги.

Она полезла в сумочку и положила на стол банковский чек на пятьсот рублей. Рудницкий спрятал чек в бумажник и покачал головой. Похоже, госпожа Росси не стала исключением и, как большинство других, считала, что, несмотря на волнения в анклавe, изменилось не многое. Конечно, он мог

бы сослаться на обещание, данное минуту назад, и заставить собеседницу подчиниться, но некоторые вещи лучше объяснять на примере. Во избежание недопонимания в будущем.

– Вы понятия не имеете об опасностях, связанных с магией или *theokataratos*, – сказал он уставшим тоном. – Вы взяли с собой охранника?

– Двоих. Они ждут в экипаже.

– Позовите их.

Клара Росси молча поднялась и через минуту вернулась в компании мужчин мощного телосложения. Она подняла брови, увидев на столе огромный арбуз.

– Это десерт? – спросила она.

– Нет, представьте себе, что это ваша голова, – предложил алхимик. – А я – злодей, которого нужно остановить.

– Мои люди застрелят вас до того, как вы вытащите оружие, – заверила его женщина.

– Правда? Давайте убедимся.

Рудницкий произнес несколько слогов с такой скоростью, что звук слился, и в его ладони ниоткуда появился нож. Короткое, четкое движение – и лезвие раскололо арбуз надвое. Один из мужчин успел дотянуться до кармана, второй стоял с выпученными глазами, пытаясь понять, что же случилось.

– Теперь вы поняли?

Клара Росси кивнула, в ее глазах появился страх. Когда вернулся Маевский, она послушно приняла протянутую руку и попрощалась с алхимиком легким кивком.

Рудницкий допил почти холодный кофе, вытер салфеткой вымазанные соком арбуза пальцы. Часы в холле пробили полночь, начинался новый день. Алхимик жестом подозвал портье.

– Разбудите меня в шесть, завтрак в половину седьмого, – распорядился он.

– Вызвать мастера?

– Нет, на этом этапе не будем привлекать господина Анквича, – решил Рудницкий после недолгого размышления. – Но проинформируйте его.

По дороге в свои апартаменты он ощущал легкое возбуждение, смешанное – и нечего тут скрывать! – со страхом. Со времени окончания военных действий Варшава переживала период покоя. Можно даже сказать: расцвета. Никаких битв, проблем с анклавом, экономическое положение республики улучшалось. Бизнес алхимика тоже процветал: отель и гильдия работали как хорошо отлаженный механизм. И приносили немалый доход, особенно прибыльным оказалось производство первичной материи методом «экстракции Рудницкого». Только всем этим успехам сопутствовала непреодолимая скука. «Этот новый день точно не будет скучным», – пришел к выводу алхимик. Лишь бы это не оказалось слишком интересным...

Особняк создавал впечатление ухоженного. Свежая штукатурка, блестящая от дождя черепица и аккуратные газоны говорили о том, что у хозяев не было недостатка в деньгах. Но интерьер удивил Рудницкого: вместо роскошных будуаров он увидел школьные кабинеты и гуляющих по коридорам скромно одетых девушек.

– Это как пансионат для девиц, – пробормотал он удивленно.

– Вы угадали, – с улыбкой отозвался Маевский. – Это школа. Одна из многих, связанных с фондом Зноемских.

– Банкиров Зноемских?

Маевский кивнул:

– Тут учатся в основном бедные дети, такие, кому учеба не по карману. Большинство из них сироты.

– А где...

– Будуары? – закончил за него Маевский. – Нет, вопреки сообщениям прессы «Золотой дворец» – это скорее учебное заведение, чем бордель. Я просидел половину ночи за бумагами, которые мне предоставила наша клиентка, чтобы более-менее ориентироваться в их системе.

– И как все выглядит?

– В школе учатся девочки от семи до девятнадцати лет. Иногда они делают исключение и принимают немного млад-

ше, а особо одаренные оканчивают обучение попозже.

– Особо одаренные?

– Без подтекстов. У них просто дополнительные занятия. Выбор, про который вы подумали, они делают уже взрослыми, девятнадцатилетними. И это не все, для большинства это просто обычная школа.

– Я не понимаю.

– Куртизанками могут стать только девушки, наделенные необычайной красотой и умом. Другим фонд старается найти работу.

– Это очень благородно, – заметил Рудницкий с сарказмом. – Я так понимаю, что никто не давит даже на самых хороших?

Маевский посмотрел на него исподлобья, и у алхимика сложилось впечатление, что подчиненный из последних сил сдерживался от не очень лестной реплики.

– Ну, что еще? – буркнул он. – Говори смело. Прежде чем я возьмусь за это расследование, я должен быть уверен, что эти девицы не сбежали по собственному желанию.

– Они не сбежали! – заверил его Маевский. – Вы когда-нибудь задумывались о том, какую свободу имеют барышни из хороших домов? Кто-то позволяет им выбрать себе мужа? А брачный контракт? Родители часто продают своего ребенка, как кобылу на рынке, чтобы заплатить долги или улучшить свое положение. Здесь, по крайней мере, все понятно, и наибольшую ценность имеет сама девушка. И она решает, реа-

лизует свои, а не чужие амбиции. Да! – добавил он, видя мину начальника. – Все или почти все воспитанницы этой школы мечтают удачно выйти замуж, а если у них будет шанс, подняться и повыше.

– Но это невозможно. Сироты без гроша за душой.

– Почему невозможно? Я пересматривал расчетные книги. Только настоящие, неофициальные. Большой процент расходов – это покупка аристократических титулов. На свете полно убогих правителей, которые охотно пополнили бы бюджет в обмен на реальный, хотя и малозначительный титул, – добавил Маевский, пожимая плечами. – Естественно, в таких случаях контракт девушки должен компенсировать эти расходы, но сильные мира сего платят не моргнув и глазом – похоже, идеальная жена или любовница в цене.

Рудницкий скривился, словно съел лимон. Это дело все меньше ему нравилось, а доклад Маевского свидетельствовал о похищении. Последнее, что нужно было алхимику, – это конфронтация с нелегально действующими магами или *theokataratos*, однако судьба не оставила ему выбора. Если сейчас он оставит это дело, то через месяц или два ему придется вести переговоры не с госпожой Росси, а с очень важными персонами, возможно, имеющими на совести смерть этих девушек.

– Ладно, – решил он. – Поговорим с госпожой Росси о деталях.

– Туда, шеф, – указал Маевский.

Поднимаясь по ступеням, алхимик обратил внимание на уверенность, с какой его подчиненный передвигается по зданию, которое он увидел только несколько часов назад. Похоже, Маевский точно запомнил, где находится кабинет директрисы школы.

* * *

Помещение было изысканно и со вкусом обставлено: пол укрывал ручной работы ковер из Обюссона¹, шелковые обои на стенах создавали фон для фотографий, на которых были улыбающиеся ученицы, а на столике под окном стоял роскошный букет роз в вазе из майолики. Единственным диссонансом выступал заваленный документами секретер. Темные круги под глазами Клары Росси и испачканные чернилами пальцы наводили на мысль о том, что директриса провела всю ночь в своем кабинете.

– Я пыталась что-нибудь найти, – сказала она, увидев Рудницкого. – Какую-нибудь закономерность во всем этом безумии. Безрезультатно...

– Нам нужна вся информация о ваших подопечных, – сказал алхимик. – Включая и ту, что вы не хотели бы разглашать.

---

¹ Обюссонский ковер – изготавлился на мануфактуре во Франции, в Обюссоне, который являлся центром старинного искусства ковроткачества и с давних времен славился традиционными коврами ручной работы.

Женщина указала ему на кресло, неосознанным жестом отдернула рукав платья.

– Я все понимаю, – ответила она, глубоко вздохнув. – У меня нет намерения ничего скрывать. Жизнь девушек – это самое главное, однако я рассчитываю на то, что вы не станете раскрывать наши секреты.

– Я даю вам слово, – пообещал алхимик. – Я всегда честно играю с людьми, которые поступают так же.

Смиренный взгляд директрисы говорил, что она поняла его намек.

– Мне нечего скрывать, – повторила она. – Спрашивайте.

– Как звали убитую девочку?

– Алиса Замойская.

Рудницкий смерил ее тяжелый взглядом, Клара Росси выдержала его взгляд и наконец опустила голову.

– Ладно, – пробормотала она. – Урожденная Хелена Трач. Я действительно не думала, что это имеет какое-то...

– Позвольте, это я буду решать! – рявкнул алхимик, перебивая ее. – А две другие?

– Мария Гроновская и Наталия Водзинская. Они только окончили школу, и мы пока не поменяли их фамилии. Наталия из дворянской семьи, в родстве с аристократией. Да, и такие к нам попадают! – гневно добавила она. – После смерти родителей родственники забрали ее имущество, и она оказалась на улице. Я вытащила ее из приюта. Вот их фотографии.

Девушки были очень красивыми, и в этом не было ничего

странного, принимая во внимание их жизненные планы, и абсолютно не напоминали перепуганных или принужденных к чему-либо жертв. Обе были изящно одеты, в платья, подчеркивающие их округлости, темноволосые, улыбающиеся, с озорными огоньками в глазах, казалось, что они сестры.

– Хорошо, а как выглядит дело с... – Рудницкий на мгновение заколебался, не зная, как сформулировать вопрос.

– Алиса подписала свой первый контракт, – быстро ответила директриса. – На квартал. Она стала любовницей графа Альфреда Косцельского.

– И как у них было?

– Она не упоминала ни о каких проблемах. Была довольна, хотя я думаю, что она воспринимала это знакомство с чисто профессиональной точки зрения.

– То есть?

– Девушки часто влюбляются в своих первых клиентов, – пояснила Клара Росси. – Много таких связей заканчивается свадьбой, но, мне кажется, Косцельский слегка разочаровал Алису.

– Могло ли это разочарование повлиять на выполнение контракта?

– Нет, такие документы дают гарантию обеим сторонам, и контракт может быть нарушен только по исключительно важным и строго определенным условиям.

– Например? – поинтересовался Маевский.

– Как я уже говорила, мы проводим что-то вроде отбора,

но иногда этот отбор проходит тот, кто не должен был пройти. Тогда и только тогда можно расторгнуть контракт.

– И клиенты не протестуют?

– Скорее нет, – холодно сказала женщина. – Они осознают все возможные последствия.

– Аристократы? – спросил с недоверием Рудницкий. – Мужчины из высшего общества?

– Конечно, в свое время одна из моих девушек заключила контракт с мужчиной, оказавшимся садистом. Вы понимаете, речь не о парочке шлепков по голой попе, а о неконтролируемой агрессии. В приступе безумия он выбил ей зубы, сломал ребра и руку.

– Вы сообщили в полицию?

– Нет, мы предпочитаем сами улаживать такие проблемы. Мы разорвали контракт и потребовали компенсацию. Клиент отказался.

– И что вы сделали? – поинтересовался алхимик.

Улыбка Клары Росси напомнила вспышку света на стальном клинке, такую же холодную и вызывающую дрожь.

– Я? Ничего. Зато наш своенравный должник внезапно заболел и умер через несколько дней. Подозревали, что он съел не очень свежие устрицы. Кто знает? Может, и так? Совершенно не к теме добавлю, что владелец ресторана, в котором советник столовался, имел молодую, красивую и образованную жену, как и лекарь, и даже проводящий расследование полицейский...

– Отличная работа! – с уважением произнес Маевский.

Женщина поблагодарила кивком, в ее глаза вернулось тепло.

– Тело Алисы нашли три дня назад, Мария и Наталия исчезли позавчера, – продолжила она. – Изначально я не связывала эти два факта, однако после разговора с работниками у меня уже не было сомнений, что случилось что-то плохое: девушки жили в одной комнате на втором этаже, и ни одна из них не покидала здание. При дверях день и ночь находится портье, – добавила она.

– Вы имеете в виду главный вход, – вмешался Рудницкий.

– Да, конечно, есть и другие, но они закрыты, а ключи есть только у моей помощницы.

– А окно? Сколько им... было лет? Девятнадцать? Они не могли уйти через окно? Какую они имели физическую подготовку? Могли воспользоваться веревкой?

Клара Росси тяжело вздохнула и окинула алхимика неодобрительным взглядом.

– Мы придаем большое значение физической подготовке, но не было никакого повода, чтобы девочки спустились по веревке, как какие-то циркачки, вместо того чтобы сойти по лестнице! Наконец, мы не этому их учим.

– А чему? – спросил алхимик.

Неожиданно директриса сильно покраснела.

– Это не имеет значения. Вернемся к делу: как Мария, так и Наталия в принципе уже окончили школу, сейчас они по-

могали учителям и, кроме того, принимали участие в занятиях... – Она сделала беспомощный жест. – Одним словом, они могли выходить и возвращаться в любое время.

– Понятно, они принадлежали «Золотому дворцу»?

– Мы готовили их для этого, – возмутилась Клара Росси. – Они еще не подписали ни одного контракта.

– Вернемся к их занятиям...

Рудницкий не закончил, поскольку подчиненный пихнул его локтем. Он в замешательстве закашлялся, Маевский выполнил жест, означающий что-то похожее на «не сейчас».

– Ну хорошо, – буркнул он. – Вы разговаривали с Косцельским? Он знает что-либо о погибшей любовнице?

– Перекинулись парой слов. Я была занята формальностями: давала показания, опознавала тело, а потом исчезли Наталия и Мария. Косцельский утверждает, что в последний раз видел Алису за неделю до трагедии.

– Это правда? А что с контрактом?

– Бывает, что клиенты нуждаются в компании красивых женщин только в определенных обстоятельствах, например, во время бала или светского мероприятия. Часто они не хотят, чтобы девушки находились с ними целый день.

– Я не понимаю...

Клара Росси забарабанила пальцами по столешнице.

– У некоторых есть специфические предпочтения, например, они предпочитают мужчин, а не женщин, – пробубнила она. – Так что роль девочек состоит только в отвлече-

нии внимания от их истинных наклонностей. Другие, в свою очередь, заводят опасные романы, опасные в прямом смысле этого слова, например, с замужними. Им также нужна помощь с нашей стороны. Иногда это вопрос статуса... И в заключение: мы не осуждаем, а приспосабливаемся к пожеланиям клиентов. И да, связь с Косцельским не была страстным романом, хотя я не знаю всех деталей, мы не разговариваем без необходимости о тайнах будуаров.

– Вы подозреваете его? – спросил Маевский.

Женщина ответила не сразу, подперла голову рукой, глядя куда-то вдаль.

– Скорее нет, – ответила она. – Я не ощутила в нем не только насилия, но и страсти. Конечно, я иногда ошибаюсь, но меня редко подводит интуиция.

– А не могли бы вы дать адрес этого графа?

– Конечно, Косцельский содержит *pied-à-terre*² в Краковском предместье. Вы будете информировать меня о ходе расследования?

– По мере возможности, – пообещал алхимик.

Директриса проводила их к выходу, словно черпала утешение в их присутствии. Рудницкий чувствовал на себе ее взгляд, пока они не отъехали.

---

² *Pied-à-terre* (фр. «ноги на земле») – это небольшая квартира или кондоминиум, обычно расположенная в большом городе, в основном в отдалении от главной резиденции, используемая как временное место жительства, например, на неделю или несколько месяцев в году.

Слуга графа Косцельского, молодой тридцатилетний мужчина с высокомерным выражением лица, с явным пренебрежением положил визитку Рудницкого на поднос, после чего исчез за дверями, оставляя гостей в прихожей. Алхимик поджал губы, похоже, ни его титул, ни положение магистра гильдии не произвели на слугу впечатления. Проходили минуты, наконец нетерпеливый Рудницкий направился к выходу. Но до того как он успел коснуться дверной ручки, из глубины помещения раздался гневный крик в сочетании со звонкой пощечиной, и в прихожую выскочил слуга. В этот раз он с ужасом в глазах поклонился. Покрасневшая щека говорила о том, что ему сделали выговор, не заботясь о деликатности.

– Господин граф просит, – произнес он.

Граф Альберт Косцельский принял алхимика в домашнем костюме и, извинившись за поведение слуги, пригласил к столу.

Высокий, стройный, с чувственной улыбкой на губах, он мог нравиться женщинам. Гладкая кожа, правильные черты лица и густые, зачесанные назад волосы делали его красивым, а его сдержанные, четкие движения выдавали в нем хорошего фехтовальщика. Алхимик оценил его возраст как не больше сорока.

– Чем могу служить, ваше превосходительство? – спросил хозяин, как только служанка подала чай.

– Информацией, – лаконично ответил Рудницкий.

– Речь о бедной Алисе? – догадался Косцельский. – Что ж, мы не были с ней близки, я подписал контракт едва ли месяц назад.

– Что вы можете о ней сказать?

– Красивая, милая, умная, – равнодушно перечислил Косцельский. – Сначала была полна энтузиазма, потом охладела, словно что-то стало занимать ее больше. Что-то помимо контракта, – подчеркнул он. – Мы начали реже встречаться, в последний раз я видел ее за несколько дней перед смертью.

– А что насчет ее поведения? Вы не заметили каких-то необычных эмоций, страха, например?

– Нет, ничего, кроме того, что я уже сказал.

– А к кому она обратилась бы за помощью в случае неприятностей?

– Точно не ко мне, – решительно сказал граф. – Как я уже говорил, наши отношения были чисто профессиональными. Сначала я надеялся на что-то большее, но через пару недель Алиса сама определила дистанцию между нами, словно хотела дать понять, что ее не интересует ничего больше, кроме формального выполнения контракта, поэтому... – Он развел руками.

– Почему вы воспользовались услугами «Золотого дворца»? Думаю, не вам жаловаться на недостаток внимания со

стороны представительниц прекрасного пола?

В глазах Косцельского появилось раздражение, которое сменилось нетерпением.

– Я спрашиваю не из простого любопытства, – предупредил алхимик. – Решить это дело и в ваших интересах.

– И почему же это? – поднял брови граф.

– Вам известно, как именно умерла Алиса?

– Нет, не совсем. Госпожа Росси только сказала, что какой-то сумасшедший лишил ее головы.

– Может, и сумасшедший, но прежде всего – маг, и, кто знает, не один ли он из Проклятых. На ее теле были оккультные знаки. Трудно сейчас утверждать, что убийцу будут интересовать только молодые женщины.

Лицо Косцельского окаменело, но легкое, едва заметное подергивание правой руки, словно он сдерживал желание потянуться за оружием, сказало Рудницкому, что его собеседник явно обеспокоен.

– Я думаю, что, если что, я справлюсь.

– Конечно, вы справитесь, граф, – согласился с ним алхимик. – Вы лучше кого-либо знаете свои возможности. В таком случае благодарю за потраченное время, и позвольте мне...

– Ладно! – прервал его Косцельский. – Ладно. Это не секрет. Возможно, мои мотивы покажутся вам поверхностными, но в них нет ничего предосудительного.

– Я не собираюсь вас осуждать, – заверил Рудницкий. –

У меня и правда нет для этого причин. Я просто хочу как можно быстрее решить это дело и избежать новых убийств.

Косцельский прополоскал рот чаем, после чего отодвинул чашку.

– Остыл, – буркнул он. – Сейчас трудно найти хорошую прислугу. Но вернемся к делу: у меня нет оснований жаловаться на отсутствие интереса со стороны женского пола, однако подписанный контракт с девушкой из «Золотого дворца» – это своего рода возвышение. Вы знаете, что они отказывают некоторым претендентам?

Алхимик кивнул.

– Каждый, кого принимают, получает что-то такое. – Граф продемонстрировал цепочку от часов.

Лишь через мгновение Рудницкий заметил, что к тяжелой золотой цепочке прикреплен кулон в виде купидона.

– Это уникальная вещь, которую трудно подделать, – заверил Косцельский.

– Прекрасная вещичка, – признал алхимик.

– Его ценность не во внешнем виде, а скорее в значении, какое ему приписывают. Это что-то вроде пропуска, а также свидетельства нравственности, – произнес граф. – Все знают, что «Золотой дворец» безжалостно отбрасывает особ с социально неприемлемыми отклонениями, а точнее, с большинством таких отклонений, венерических заболеваний и без соответствующего состояния. Этот кулон – это ключ, открывающий много дверей, даже если речь идет о мимолет-

ном романе или постоянных связях, не исключаящих женитьбы. Вот причина, по которой я подписал контракт, – закончил он.

– Благодарю вас за откровенность. Я, правда, не вижу непосредственной угрозы для вас, однако посоветовал бы соблюдать осторожность, – сказал Рудницкий, поднимаясь из-за стола.

Граф кивнул и попрощался с алхимиком, пожав ему руку. Слуга ждал у дверей по стойке «смирно» со шляпой и тростью алхимика в руках. «Похоже, граф просветил нерасторопного слугу, с кем имеет дело», – пришел к выводу Рудницкий.

Маевский стоял рядом с экипажем, курил сигарету, а теплый августовский ветер приносил ароматы цветов из ближайшего сада.

– Что ты выяснил? – спросил Рудницкий.

– Соседи видели ее несколько раз с Косцельским. Она выглядела довольной.

Алхимик кивнул.

– Я тоже так думаю, – буркнул он. – Это, похоже, не граф.

– Похоже?

– На этом этапе нельзя никого исключать, тем более что у меня нет никакого опыта в проведении таких расследований, но мне кажется, что он боится. Не так, словно у него есть что-то на совести, а как человек, у которого умер кто-то из близкого окружения и который ожидает проблем. Я немного

его напугал, – признался он.

– Как он выглядел? Что – настолько страшный, что вынужден пользоваться услугами куртизанок?

– Совсем наоборот. Это сложно. Расскажу по дороге.

Рудницкий сел в карету, стукнул тростью в потолок, подавая знак кучеру возвращаться в отель, после чего кратко передал подчиненному разговор с Косцельским.

– Мне кажется, я где-то видел такой кулон с купидоном, – сказал Маевский, массируя виски.

– Неважно! – махнул рукой алхимик. – Сейчас у нас проблемы посерьезнее, а выяснением клиентов «Золотого дворца» займемся позже. Ты говорил, что у тебя есть знакомый в полиции?

– Да, друг детства. Он сейчас комиссар или инспектор... я не разбираюсь в этих новых рангах.

– Договорись с ним о встрече как можно быстрее.

– Сделаю, шеф.

– А почему ты меня перебил, когда я спросил о занятиях девушек?

– Как бы вам объяснить...

– Ну ты уж постарайся.

– Я изучал документы этого заведения полночи, поэтому госпожа Росси предложила мне кофе. Когда она вышла, я подумал, что нужно немного осмотреться в кабинете, в конце концов, дело ведь важное. У меня было немного времени, максимум минут пятнадцать, но мне удалось открыть сейф

и...

– Какой сейф? – прервал его Рудницкий. – Я хорошо осмотрел кабинет и не заметил никакого сейфа.

– Подпольный, под ковром, – пояснил Маевский. – Это сейчас последний писк моды. Госпожа Росси держит там несколько паспортов и учебников.

– Паспорта фальшивые?

– Совсем наоборот, самые настоящие. Думаю, что они принадлежат девушкам, которым изменили имена. Но интереснее всего оказались учебники.

– Какого черта держать учебники в сейфе?

– Вам бы следовало сначала посмотреть на них, шеф. Все они касаются того последнего этапа обучения для избранных девушек.

– А поконкретнее?

– Специфические позы, как в «Камасутре», ну и упражнения.

– Что за «Камасутра»?

– Это индийский эротический трактат, – пояснил Маевский с озорным блеском в глазах. – Англичане перевели его несколько десятилетий тому назад, и с той поры это довольно популярная книга. Я слышал, что наши тоже намерены перевести, но началась война, и издатели потеряли к ней интерес. Упражнения немного похожи на упражнения для балерин или цирковых гимнасток, хотя некоторые предназначены для развития... профессиональных навыков. Я пред-

почел бы, чтобы вы не давили на директрису в том вопросе, поскольку ответ ее явно смутит.

– Интересно, – пробормотал Рудницкий. – Я должен обязательно прочитать этот трактат, содержащиеся в нем позы могут дать нам определенное представление о физической подготовке учениц мадам Росси.

Мужчины переглянулись и рассмеялись.

* * *

Рудницкий доел чудесный омлет с зеленью, вытер рот салфеткой, после чего потянулся к серебряному подносу. Каждое утро он получал кучу визитных карточек, но сегодня слуга принес только две. Со вздохом облегчения он взял визитку с гербом графа Косцельского. В левом нижнем углу черным карандашом были написаны две буквы «р. г.». *Pourremercier* – благодарность. Неужели господин граф считает себя настолько выше в социальной иерархии, что ему без необходимости посещать обычного барона? Именно в таких случаях и пишут на визитке эти буквы «р. г.». Хотя было еще латинское слово *verte*, означающее «переверни». На обратной стороне визитки было только одно предложение: «Согласно вашему совету, я решил уехать из Варшавы». «Значит, это не игнорирование, а осторожность», – подумал алхимик.

Вторая визитка заключала только одну фамилию и лаконичную записку без подписи: «Он просит о встрече. Как

можно быстрее». Хорошее настроение исчезло без следа, Рудницкий помнил и адрес, и фамилию: Панская, Зав... Похоже, *theokataratos* не сменили место жительства.

Принимая во внимание, что ни один из Проклятых не тревожил Рудницкого со времени подписания мирного договора, это было явно не приглашение на чай. Что-то случилось. Что-то серьезное.

Выругавшись себе под нос, Рудницкий послал слугу за Маевским. В эту минуту в комнату вошла Татьяна Аристова с еще теплыми булочками. Запахло корицей и ванилью, но вместо аппетита – Татьяна Олеговна была настоящей мастерицей своего дела – алхимика затошнило. Кухарке хватило одного взгляда, чтобы оценить ситуацию.

– Вы умрете от истощения, – укоризненно произнесла она. – Мужчина должен питаться соответственно, а вы едите, как воробей. Снова занимались политикой за завтраком? – грозно спросила она.

Рудницкий кашлянул: кухарка, доставшаяся ему в наследство от князя Оболенского, питала к нему поистине материнские чувства и ни за что не хотела уезжать, даже когда снова открыли границы с Россией. По неизвестным причинам она решила, что должна лично следить за питанием своего работодателя, что приводило к дополнительным порциям еды.

– Я уже поел, – возмутился он.

– Завтрак без моих булочек – это не завтрак. Возьмите хотя бы пару штук в дорогу! – произнесла она не терпящим

возражения тоном.

– Я и так набрал четыре килограмма!

Кухарка смерила его оценивающим взглядом:

– Самое большее – два. Это решительно мало, вы были худой как щепка.

От дальнейшей дискуссии Рудницкого спас появившийся Маевский. Мужчина сразу схватил булочку с подноса и уклонился от шутливой подзатыльника кухарки.

– По крайней мере, этот ценит мою выпечку, – буркнула женщина.

Она откуда-то вытащила лист бумаги, несколькими умелыми движениями запаковала булочки и вручила сверток Маевскому.

– Только не съешь все сам! – погрозила она ему пальцем.

– Как бы я посмел...

– Уж я тебя знаю! Половина для Олафа Арнольдовича.

Алхимик скривился: выходя, кухарка перекрестила его. Не в первый и очевидно не в последний раз, но сегодня этот, казалось бы, невинный жест напомнил алхимику о вещах, про которые он желал бы забыть. Например, про собственную смертность...

– Что такое, шеф? – спросил Маевский.

– Едем на Панскую.

С лица подчиненного исчезли все признаки веселья, глаза настороженно сузились.

– Проблемы?

– Проблемы, – хмуро кивнул алхимик.

– Экипаж будет готов через пять минут.

Рудницкий поблагодарил кивком головы и, немного подумав, снял защитный амулет с шеи. В такое общество лучше не заявляться с алхимическим серебром, кто-то может воспринять это как проявление злого умысла...

Глава II

После последнего визита алхимика на Панскую прошло всего несколько месяцев, но улица изменилась до неузнаваемости: здания стали ухоженней, кое-где положили новую штукатурку, а местами заменили или подкрасили ворота. Исчезли валявшиеся пьяницы, пропали стоявшие по закоулкам проститутки, даже дети, бегаящие вокруг, стали менее оборванные. В этой ситуации не удивил и небольшой сад возле резиденции *theokataratos*. Зелень окружала полуметровый забор, и вокруг не было ни окурков, ни пустых бутылок, а ровные ряды роз, георгинов и гладиолусов давали понять, что никто из местных не пытался нарушить символическое ограждение. Это тоже не вызывало удивления: после появления на Панской Зав вынужден был преподавать соседям несколько уроков, и, похоже, наука не прошла даром.

Алхимик постучал тростью в двери и жестом приказал Маевскому остаться в экипаже. Судя по изменениям вокруг, он был в полной безопасности. Ну, разве что Проклятые решат напасть, тогда его не спасет даже армия солдат.

В прихожей его встретила Луна, женщина поздоровалась с Рудницким кивком, однако никоим образом не дала понять, что узнала его. Ни следа эмоций. Проблемы.

За большим столом из черного дуба сидели несколько особ, некоторых из них алхимик видел у Завы и раньше, а

некоторых – впервые. Даже если предположить, что кто-то из *theokataratos* изменил внешность – а Проклятые могли это делать, – не вызывало сомнений то, что компания увеличилась: Рудницкий сделал документы только для девяти человек.

Низкий, щуплый мужчина встал при виде алхимика и подал ему руку, остальные никак не отреагировали на прибытие гостя.

– Прошу, садитесь, – пригласил Зав.

Рудницкий воспользовался приглашением и осторожно огляделся. Все места были заняты, лишь через мгновение он понял, что Луна стоит за его креслом.

– Предлагаю сразу перейти к делу, – предложил Зав. – Вы помните наш договор? Мы не нападаем на людей, за исключением очевидной самообороны, а вы решаете споры и наказываете всех, кто причинит нам вред?

– Я помню, – ответил алхимик.

– Один член правительства Варшавской республики, некий Белинский, обидел одну из нас.

– Могли бы вы уточнить, каким образом?

– Лучше будет, если я вам покажу. Прошу за мной.

Обнаженная женщина без сознания лежала на прикрученной к полу кровати. Последний раз Рудницкий видел такую мебель почти двадцать лет назад, во времена студенческой практики в психбольнице. Когда-то незнакомка была красивой, сейчас ее лицо напоминало кусок сырого мяса, одна из

глазниц была пустой, на связанных ремнями руках были видны ожоги, а все тело покрывали раны. Больше всего в районе груди и бедер.

– Что случилось? – ошарашенно пробормотал алхимик.

– Профессор Белинский решил провести над ней некоторые опыты, – спокойно ответил Зав.

Рудницкий не дал себя обмануть, голос Проклятого можно было ощутить кожей, пропитанный ненавистью, такой же выразительной, как взведенный курок.

– Но зачем?!

– Я не знаю деталей. Из того, что мне удалось узнать, Белинский руководствовался записями, в которых описана деятельность таких, как мы. Каким-то образом он узнал, что Астрея не человек, выкрал ее и держал в неволе.

– Выкрал?

– Вы прекрасно знаете, что существует много способов ослабить волю и силу *theokataratos*, – резко ответил Зав. – Серебро, заклинания, символы и, наконец, слова силы. К тому же Астрея была в процессе трансформации, поэтому чрезвычайно уязвима.

– Это ваша подруга?

– Можно и так сказать. Она прибыла к нам недавно, а я, обманутый фактом, что до этого времени нам удавалось избегать столкновений с людьми, заверил ее, что она в безопасности.

Алхимик ослабил ворот, ощущая, что его что-то душит.

– Чего вы от меня ожидаете? – спросил он.

– Мы поручились за вас, – сказал Зав. – Я и Луна. Мы заверили, что вы уладите это дело, согласно с нашим договором.

Рудницкий стиснул зубы: не было смысла переубеждать Проклятых, что члены правительства недостижимы для него и он не имеет права кого-либо из них судить, а тем более наказывать. *Theokataratos* буквально поняли его обязательства, а он дал им обещание.

– Какие... последствия? – прохрипел он.

– Я не понимаю, – отозвалась Луна.

– Он спрашивает, что будет, если он не сдержит свое слово, – сухо пояснил Зав.

– Не делай этого, – попросила девушка.

Ее глаза утратили равнодушное выражение, лоб прорезала горизонтальная морщина.

– Если этот человек не будет наказан, у нас с Завом будут проблемы. Большие проблемы, – подчеркнула она. – А ты умрешь, и начнется война.

– Поймите нас правильно, – вмешался Зав. – Мы вам не угрожаем, а только объясняем ситуацию. Наше сотрудничество, то, что вы помогли нам устроиться в вашей реальности, заставило многих *theokataratos* принять решение следовать правилам, какие мы вместе установили, веря, что вы являетесь их гарантией. Сейчас они наблюдают, как это происходит на практике. Если вы нарушите уговор, будет война, а я

и Луна должны будем вас убить.

– Сколько... сколько у меня времени?

– Немного. Неделя, максимум две. И вы должны это сказать сейчас в присутствии свидетелей.

Рудницкий вяло кивнул.

– В таком случае идем, – произнес он. – Нет смысла откладывать решение.

Неожиданно Луна взяла его за руку. Движение было нежным, едва ощутимым, но алхимик помнил, какая сила у этой девушки. Если бы он начал сопротивляться, это было бы равносильно попытке остановить трамвай.

– Ты все обдумал? – спросила она.

Рудницкий молча кивнул.

– Я останусь с тобой, – пообещала девушка.

Когда они вернулись в комнату, Проклятые все еще сидели за столом, у алхимика сложилось впечатление, что ни один из них даже не вздрогнул. Лишь сейчас он смог посчитать присутствующих: шестнадцать, не считая Зава и Луны. Он с удивлением осознал, что парализующий страх пропал, оставив после себя странное ощущение холода и металлический привкус на губах.

Зав кашлянул, явно намереваясь обратиться к собравшимся, но Рудницкий остановил его решительным жестом.

– Я сдержу свое обещание, – сказал он без вступления. – И вынесу приговор. В течение недели.

– Откуда мы можем знать, что... – начал высокий худой

мужчина с морщинистым лицом. Он замолчал под взглядом алхимика.

– Я сейчас говорю, – тихо сказал Рудницкий. – И пока я не закончу, все будут молчать. Если только кто-то не хочет бросить мне вызов?

Ощущение усилилось, холодая как лед рука алхимика потянулась к поясу без какой-либо осознанной мысли, так, словно им управляла чужая воля. «Сталь, – подумал Рудницкий, облизывая губы. – Сталь и кровь». Он ощутил мороз по коже, и в висках зашумело.

– Ну?! – рыкнул он. – Кто-то хочет со мной повоевать?

На мгновение воцарилась изумленная тишина, тянулись секунды, длинные, словно вечность. Наконец отозвался Зав.

– Мне кажется, что наш друг Магнус что-то должен сказать, – произнес он с иронией.

Магнус неохотно поднялся со стула и встал на одно колено.

– Извините, – пробормотал он.

– Мне его убить? – спросила Луна.

Вопрос был задан небрежным, спокойным тоном, но именно от этого алхимик еще больше похолодел. Девушка не угрожала, а только хотела знать мнение Рудницкого. И – если что – выполнить приказ...

– Нет! – рявкнул он. – Никаких убийств. По крайней мере, сейчас.

– Я думаю, все всё поняли, – сказал Зав. – Что вы будете

делать?

– Свяжусь с профессором Белинским. Я должен выслушать и вторую сторону.

На щеках Зава заходили желваки, он уже не выглядел как рассеянный простака и молниеносно овладел эмоциями.

– Разумно, – признал он. – У вас есть еще какие-нибудь вопросы? Поскольку есть несколько дел, которые мы должны обговорить.

– Да, – подтвердил Рудницкий. – Как вам удалось освободить...

– Астрею, – подсказала Луна.

– Да, Астрею. Я так понимаю, до битвы не дошло?

– Это не тайна, – пожал плечами Зав. – Мы перекупили одного из ассистентов Белинского.

– Я могу с ним поговорить?

– Полагаю, что нет, думаю, он уже уехал из Варшавы, он что-то говорил про Южную Америку.

– Как он уехал со всем этим серебром? Он же не положил его в банк, все транзакции выше пяти килограммов контролируются.

– Мы заплатили ему первичной материей, – пояснил Зав. – Помимо всего прочего ваша денежная система рушится, а точнее, ее не существует. Марки, рубли, талеры Марии Терезии³, в обращении даже индийские рупии! Если к этому

---

³ Талер Марии Терезии – серебряная монета получила свое название от имени императрицы Марии Терезии, которая правила Австрией, Венгрией и Богемией

добавить еще и фальшивые деньги, только идиот доверился бы серебряной монете. Вы должны с этим что-то сделать.

Алхимик сдержал готовый сорваться ответ, в этот момент он ничего не мог обещать, поскольку сомневался, что проживет дольше недели.

– Почему ее раны не заживают? – сменил он тему. – Ваша способность к регенерации...

– Профессор выяснил, как ограничить нашу способность к регенерации, – прервал его Зав. – Астрейя сказала, что он ввел ей какой-то препарат. Ничего больше я не знаю, она потеряла сознание. Это все? – спросил он с заметным нетерпением.

– Да, – подтвердил Рудницкий и попрощался с присутствующими легким кивком.

Выходя, он услышал доносившийся из комнаты гул возбужденных голосов, он не распознал язык, но его это не беспокоило. Он был уверен, что главной темой разговора был некий Олаф Арнольдович Рудницкий, и алхимик предпочитал не знать, что Проклятые хотят с ним сделать.

* * *

Военное министерство Варшавской республики размещалось на Уяздовских аллеях, в бывшей резиденции Акционерного общества текстильщиков. Алхимик задумался на

с 1740 по 1780 год. Монета активно использовалась в мировой торговле.

минуту, было ли название учреждения данью немцам – это был дословный перевод термина *Kriegsministerium*, – а если и так, то зачем, но вид знакомого лица вернул его к реальности. Ведь он приехал сюда не как турист. Рудницкий понимал, что не может позволить себе витать в облаках, у него была неделя на решение проблемы *theokataratos*. Семь дней и ни минутой больше.

Невысокий лысый мужчина с двумя рядами колодок на мундире поспешно сбежал по ступенькам и вытянулся по стойке «смирно».

– Полковник Томала, – представился он, отдав честь. – Мне приятно, что вы наконец-то нас посетили. Вы, вероятно, меня не помните?

У Рудницкого сложилось впечатление, что офицер чего-то ждет от него. Лишь через мгновение он осознал, что как тот, кто выше по социальной иерархии, он должен принять решение о форме приветствия. Он выругался про себя и протянул полковнику руку.

– Но я помню! – заверил он. – Нас познакомил генерал Станкевич. Вы тогда были майором.

– Точно, – подтвердил Томала с довольной улыбкой. – Генерал сейчас занят, мы ведем переговоры на тему покупки вооружения для нашей армии, но для вас он найдет время. Следующая делегация появится только через час.

– Боюсь, что часа мне не хватит, – вздохнул алхимик.

– Если будет нужно, перенесем встречу, – решительно от-

ветил Томала. – Вы же не приехали к генералу из-за какой-то ерунды?

– К сожалению, нет.

– Тогда прошу.

По дороге они прошли два поста с солдатами, вооруженными до зубов, но те пропустили его без слов, похоже, присутствия Томалы было достаточно, чтобы не останавливать гражданское лицо, которое он сопровождал.

– Отчего такие меры предосторожности? – спросил алхимик.

– Перестраховываемся. Если дойдет до войны, можно ожидать всего, даже диверсионных атак.

– А мы готовы?

– Постольку-поскольку. – Он пожал плечами. – У нас сто тысяч человек под ружьем, за несколько часов можем мобилизовать еще столько же. Мы укрепили крепость Модлин, форты и построили систему укреплений, включая железобетонные бункеры. Количество кинжальщиков увеличилось, у нас сотня магов, несколько адептов. Нападающие, кем бы они ни были, заплатят кровью за каждый метр завоеванной земли.

– Но?

– Но этого не хватит, – сказал Томала. – Другие тоже мобилизуют силы, и у них несоразмерно большие возможности. Ну, и слово силы, которое принесло нам победу, не является тайной. Мы можем отбить локальную атаку, но не

остановим общее наступление. Тем более что обе стороны прежде всего ударят по Варшаве. Для немцев это прекрасная стартовая позиция, чтобы разрушить всю полосу российской обороны, для россиян – это единственный шанс сдержать наступление.

– А Тень? У него есть какой-то план на случай войны?

Полковник резко остановился перед кабинетом Станкевича и смерил алхимика оценивающим взглядом.

– Это статистический вопрос, – сказал он. – Враг имеет двадцатикратный перевес численности, больше оружия и магов. Этого не изменит никакой тактический гений. А остальное...

– Да? – беспокожно настаивал Рудницкий.

– Говорят, что Тень тяжело болен. Он умирает, – решил офицер, видя непонимание на лице алхимика. – Но хватить об этом!

Полковник энергично постучал и нажал на дверную ручку, не дожидаясь разрешения.

– Его превосходительство барон Рудницкий, – представил он.

Высокий щуплый мужчина с обветренным загорелым лицом горячо поприветствовал алхимика.

– Наконец-то вы посетили военное министерство, – бодро сказал Станкевич. – Мы всегда вам рады.

У офицера энергия была ключом, хотя частое моргание и покрасневшие глаза говорили о навалившихся повседнев-

ных обязанностях.

– Так сложилось, что я хотел узнать ваше мнение, – продолжил Станкевич. – Последнее время у нас много тревожащих убийств, что-то такое уже происходило раньше, речь идет о женщине...

– Без головы, с оккультными знаками на теле, – закончил алхимик.

– Именно, я должен был догадаться, что вы уже в курсе. Что вы об этом думаете, барон?

– Это работа магов или *theokataratos*, – ответил Рудницкий. – Я занялся расследованием этого дела.

– Я думал, что полиция еще не успела с вами связаться, – удивленно заметил Станкевич. – Лишь вчера я говорил об этом с начальником полиции Бунде.

– О помощи меня попросила мадам Росси, – пояснил алхимик.

Выражение лица генерала свидетельствовало о том, что офицер прекрасно знает, кто такая мадам Росси.

– Ну, хорошо, – буркнул он рассеянно. – Чем раньше, тем лучше. Если вам будет нужна поддержка, полковник Томала окажет вам всю возможную помощь, – добавил он, закрывая тему. – А сейчас: чем могу вам помочь?

Рудницкий беспомощно вздохнул и нервным жестом ослабил ворот рубашки. Теоретически премьер-министром правительства был Гроховяк, но официальная иерархия была лишь видимостью, реальная власть принадлежала Тайно-

му совету и таинственному лидеру кинжальщиков, известному как Тень. Станкевич был как человеком совета, так и поверенным кинжальщиков, что делало его одним из наиболее влиятельных людей Варшавы. Если не самым влиятельным.

«Если он посчитает договор с Проклятыми изменой, то последнее предложение в завещании, Олаф Арнольдович, ты напишешь здесь и сейчас», – хмуро подумал алхимик.

– Если вы хотите, мы можем поговорить с глазу на глаз, хотя я полностью доверяю своему заместителю. – Станкевич прервал затянувшееся молчание.

– Нет... – нерешительным тоном ответил Рудницкий. – Это даже лучше, что полковник будет присутствовать при нашем разговоре. Речь пойдет о *theokataratos*, – сказал он, глубоко вздохнув. – Возможно, вы заметили, что с момента подписания мирного договора с Россией с ними не было никаких проблем? На территории нашей республики не зарегистрировано ни одного случая нападения Проклятых, хотя пресса докладывает об атаках на территории Москвы, Петербурга, Берлина и Вены.

– Совершенно верно, – подтвердил Томала. – Мы все думали, что бы это значило. Лишь последние преступления напоминают нам об угрозе с их стороны.

– Возможно, *theokataratos* не имеют к ним никакого отношения, хотя в этот момент не это самое важное, – осторожно сказал Рудницкий. – Проблемой является реакция Проклятых, которым удалось выбраться из анклава.

– Откуда эта информация? – Станкевич наморщил брови.

– Я разговаривал с ними, – прямо ответил алхимик.

В помещении воцарилась тишина, офицеры обменялись встревоженными взглядами.

– Если бы мне это сказал кто-то другой... – Генерал покачал головой. – И чего хотят Проклятые?

– Я заключил с ними что-то вроде перемирия или пакта о ненападении, – продолжил Рудницкий. – С какого-то времени в анклавах появились существа, в большей или меньшей степени устойчивые к серебру. Так же и у нас, в Варшаве. Это нельзя никак остановить, – подчеркнул он.

– Но россиянам это удалось, – заметил Томала.

– Я подозреваю, что это был только временный успех, – скривился алхимик. – Россияне уничтожили владыку анклава, что позволило им выбить *theokataratos* в самом Петербурге, однако донесения показывают, что они не в состоянии контролировать сложившуюся ситуацию. В противном случае ни один Проклятый не попал бы в город.

– Логично, – признал Станкевич. – В чем состоит этот договор? – резко спросил он. – Что вы им пообещали?

– Справедливость.

– Объяснитесь.

– Проклятые не нападают на людей взамен на обещание, что каждый человек, который обидит одного из них, понесет наказание.

– Я должен поверить, что все Проклятые согласны с этим

условием? – с недоверием воскликнул Томала. – Это же невозможно! Вы не являетесь членом правительства!

– Их не волнует наша иерархия, у них она своя.

– Это какой-то абсурд!

– Бог с ним, – успокоил его Станкевич. – Что-то случилось?

– Один член правительства, – иронично начал Рудницкий, – некий Белинский похитил и пытал женщину. Проклятую. *Theokataratos* требуют сдержать обещание. Это все. – Он пожал плечами. – А, чуть не забыл: если мы этого не сделаем в течение недели, они убьют меня, и начнется война.

Томала тихо выругался, Станкевич только стиснул зубы.

– И как вы себе это представляете? – рявкнул полковник. – Белинский возглавляет департамент борьбы с Проклятыми. Мы должны посадить его за то, что он выполняет свои обязанности?!

– Не посадить. Убить, – поправил его Рудницкий. – Наши... гости не довольствуются полумерами. И я не знаю, можно ли назвать выполнением обязанностей то, что он с ней сделал. Я видел ее.

Томала хотел запротестовать, но генерал удержал его, подняв руку. Станкевич вытащил из кармана папиросу, закурил, никого не угощая, и уставился куда-то вдаль.

– Сколько их тут, в Варшаве? – наконец спросил он.

– Без понятия, – ответил Рудницкий. – Я видел пару десятков, но, думаю, их намного больше.

– Как вы оцениваете угрозу с их стороны?

– Как очень серьезную. Тем более если начнется война в городе, россияне и немцы сразу же нападут на нас.

Станкевич усталым жестом признал его правоту.

– И все Проклятые приняли этот договор?

– Сомневаюсь. Однако я заключил его с тем, кто стоит очень высоко в иерархии *theokataratos*. Подозреваю, что это он заставил остальных придерживаться договора и сам усмирил сопротивляющихся. Поэтому у нас нет таких инцидентов, как в других городах.

– Вы понимаете, что не имели права заключать каких-либо договоров с Проклятыми?

– Конечно, – смиренно согласился Рудницкий.

– Если бы это сделал кто-то другой... – повторил Станкевич.

Он снова потянулся за сигаретами, в этот раз протянул пачку собеседникам. Томала и алхимик вежливо отказались.

– Ну что ж, – задумчиво протянул Станкевич. – Лично я не сомневаюсь в ваших добрых намерениях, но за остальных членов правительства, как и за кинжалыщиков, ничего сказать не могу. И проблема не только в осуждении ваших действий, но и в том, что сделал Белинский. Если мы согласимся с вашим приговором, мы создадим очень опасный прецедент. С другой стороны, если бы нам удалось перетянуть на свою сторону хотя бы часть *theokataratos*, ситуация Варшавской республики кардинально изменилась бы.

– Нет! – решительно воспротивился Рудницкий. – Ни в коем случае! Вы говорите как военный, а не политик. Польза от такой сделки будет кратковременной и заставит другие страны последовать нашему примеру, и тогда война перейдет на новый, высший уровень. Это нас уничтожит!

– Вы не можете этого знать наверняка, – сразу же возразил Томала.

Алхимик прикрыл глаза, облегчение от раскрытия тайны обрушилось на него лавиной усталости.

– Я этого не позволю, – спокойно сказал он. – Я единственный человек, который мог бы договориться с Проклятыми. И, поверьте мне, я знаю, о чем говорю: это общество основано на доминировании. Если мы позволим им участвовать в нашей войне, рано или поздно они сами станут ее участниками, и это может означать не только гибель Варшавской республики, но и всего человечества!

– Ну ладно, – примирительным тоном сказал Станкевич. – Может, вы и правы, в конце концов, вы тут эксперт. А как у них с гражданской осведомленностью?

– С чем?

– Эти Проклятые, с которыми у вас договор, пользуются всеми привилегиями граждан республики и не платят при этом налоги. Это неправильно. Тем более что они требуют от нас защиты.

Рудницкий выругался, не смутившись присутствия офицеров, его собеседники выглядели как дети, составляющие

список подарков.

– Вы спятили?!

– А разве было бы не справедливо обременить их определенными обязательствами, как и всех остальных? – не обиделся Станкевич. – Или это тоже невозможно?

– Я без понятия! – рявкнул Рудницкий. – Я не задумывался об этом! Хотя... – Он закусил губу.

– Что?

– Они время от времени передают мне определенное количество первичной материи, – признался алхимик. – Это не налог, скорее что-то вроде жеста доброй воли. Они сами это предложили, – добавил он, опережая вопросы. – Однако я не знаю, как бы они повели себя, если бы это стало условием их пребывания в городе. И уж точно они не согласятся открыть, сколько их в городе в действительности.

Станкевич задумчиво выдохнул сигаретный дым, ленивым движением сбил пепел.

– А если бы мы дали вам полную свободу действия? – спросил он. – Дали определенные полномочия и доверили вести переговоры с *theokataratos*?

– Мне их обложить налогом? – спросил алхимик с недоверием в голосе. – Это безумие!

Генерал не ответил, глядя на Рудницкого неподвижным взглядом.

– Ваше превосходительство, – отозвался Томала. – Прошу, поймите, вы ходите по краю бритвы. Что, если совет и

кинжальщики подумают, что, заключив договор с Проклятыми по собственной инициативе, вы совершили измену?

– А с кем мне нужно было посоветоваться?! – рявкнул разозлившийся алхимик. – Правительство – это пустышка, а аргумент, что республикой управляет какой-то тайный орган, весьма спорный. Не говоря уже о том, что кинжальщики сами заключили сделку с *theokataratos* и, насколько мне известно, не сообщили об этом совету, не говоря уже о правительстве, – злорадно добавил он.

– Это на благо дела, – спокойно заметил Станкевич.

– А конкретнее? – поинтересовался Томала.

– Они сделали им документы, не бесплатно, понятное дело, – ответил Рудницкий, пожав плечами.

– Они заплатили первичной материей?

– А как же!

Генерал загасил сигарету, встал и подошел к окну.

– Может, начнем сначала, – предложил он. – Сколько первичной материи передали вам... наши гости?

– Около полукилограмма.

– Сколько?! – воскликнул Томала.

– Точнее, сорок лотов, – пояснил алхимик.

– Это огромное состояние!

Станкевич резко и нервно ослабил ворот мундира, на его висках появились капли пота.

– И что вы с ними сделали? – спросил он, затаив дыхание.

– Ничего. Спрятал в сейф. Я бы передал их власти, но не

знал, как оправдать этот дар.

– В пересчете на чистое серебро... – начал Томала.

– Да, я знаю, это большая удача, – признал со вздохом Рудницкий. – Я не знал, к кому мне обратиться, поскольку такая сумма соблазнила бы многих.

– Но вы же могли спросить, – сказал Станкевич, приходя в себя. – Мне же вы доверяете? – иронично спросил он.

Алхимик гневным жестом отмахнулся от насмешки. Какое-то время назад он передал на потребности армии несколько десятков килограммов серебра и, еще плохо зная Станкевича, предупредил генерала, что в случае обмана он отправит за ним гомункулуса. И, видимо, офицер не забыл угрозу.

– Я охотно избавлюсь от этой платы, – заверил он. – Могу передать ее вам прямо сегодня, под расписку.

– Вы шутите?!

– Ни в коем случае!

Томала сорвал со стены карту Варшавы и положил ее на стол.

– Нужно сформировать конвой, – резко сказал он. – Две роты пехотинцев и эскадрона кавалеристов должно хватить.

Рудницкий скривился, но не протестовал.

– Вы имеете что-то против, барон? – удивился Станкевич.

– Конечно. Вы хотите поставить в известность всех отщепенцев в городе, что у меня есть что-то настолько ценное, что это требует военного эскорта? А что, если эта новость

дойдет до немцев или россиян? У меня хватает врагов.

– У вас другая идея?

– Скажите, куда я должен доставить первичную материю, а я займусь остальным, – предложил он.

– Это ужасно рискованно! – запротестовал Томала.

– Я возьму это на себя. Поверьте, для меня это не в первый раз, моя гильдия давно занимается добычей первичной материи, и мы должны ее как-то перевозить. До этого времени наша система действовала безотказно.

– Ну хорошо, в таком случае доставьте первичную материю в Кексгольмские казармы. Вы знаете, где это?

– Конечно.

Лейб-гвардии Кексгольмский императора австрийского полк уже давно оставил казармы на мокотовском поле, но все варшавяне продолжали использовать это название.

– Вернемся к делу Белинского...

– Да?

– Я должен увидеть эту пострадавшую. И это не просьба! – предупредил он, видя выражение лица Рудницкого. – Кто подтвердит перед советом, что вы говорите правду?

– Я постараюсь это организовать, – пообещал алхимик.

Несмотря на горячее приветствие, прощание вышло холодным, хотя Рудницкий не имел претензий к офицерам: ставка в игре была слишком высокой, чтобы забивать голову условностями. Была надежда, что дар военному министерству изменит отношение не только Станкевича, но и его кол-

лег из Тайного совета.

* * *

Большая цветная афиша рекламировала фильм «Кукла»⁴ с Оливером Харди и Эльзой Маклеод. Рудницкий смешался с толпой любителей кино, проверил время сеансов. В недавно открывшемся самом большом в городе кинотеатре «Колизей» шли различные мелодрамы, главным образом классифицируемые по шкале от одного до пяти платочков, нужных для вытирания слез. Алхимик впервые в жизни видел имена актеров, но кино обещало развлечение, возможность на время отвлечься от реальности. Хотя Зав согласился перенести раненую женщину в аптеку – о том, чтобы Станкевич посетил каменицу на Панской не могло быть и речи, – но Рудницкий вынужден был взять на себя ответственность за безопасность Проклятой. Шансы выжить в ближайшую неделю так или иначе были минимальными.

Рудницкого вырвал из раздумий звук клаксона. Лавируя между экипажами и подводами, водитель автомобиля торжественно провозгласил победу современности над традициями. Несмотря на такое неохотное отношение к новинкам, алхимик не мог не заметить, что автомобили легко опережают спортивные экипажи. А их в Новом свете⁵ хватало.

---

⁴ «Кукла» – немая комедия 1916 года.

⁵ Новый свет – район Варшавы.

Женщину он заметил, переходя улицу: модно одетая, высокая, стройная, в шляпке с вуалью, закрывающей часть лица. Она покачивала в такт шагам легким, ажурным зонтиком, но было что-то тревожное в том, как она держала невинный предмет. Каждое ее движение было продуманным и скоординированным, без следа кокетства или небрежности.

Рудницкий свернул на боковую улочку, остановился перед витриной магазина и через несколько секунд увидел отражение незнакомки. Ощущая холодную дрожь, он двинулся дальше в надежде, что затеряется в толпе. К сожалению, улица Обозная не принадлежала к самым многолюдным. Он подумал, что идея отослать экипаж и прогуляться пешком не такая уж и хорошая, как минуту назад.

Алхимик замедлил шаги, а потом резко побежал, нырнув в арку. Злобно выругался: весь двор преграждали веревки с бельем. Мокрая простынь хлестнула его по лицу, штанины кальсон намотались на руку. Он выскочил на Броварную. Быстрый цокот дамских каблучков сказал ему, что незнакомка не отстает.

Он остановился в воротах, несколько раз сжал и разжал кулаки. Издалека доносились сонные голоса перекупщиков, но вокруг не было ни души. Повезло.

Он схватил преследовательницу за запястье, ударил пальцами между сухожилиями предплечья. Она вскрикнула от боли и выпустила из рук зонтик. Он молниеносно подсек ей ноги и приготовился схватить падающее тело. Но незна-

комка невероятным акробатическим движением обрела равновесие, она крутилась, словно танцующий дервиш, избегая ударов алхимика, после чего без усилий, быстрым движением, почти незаметным, повалила его на землю. Этот прием ошеломил Рудницкого, но мужчина почти сразу же потянулся за револьвером, но не успел его вытащить. Точный удар парализовал ему руку до плеча, блеснуло лезвие, и на своем горле он почувствовал женское колено. Незнакомка знала, где стоит нажать. «Шейная артерия и тройничный нерв», – подумал алхимик, теряя сознание. Неожиданно давление ослабло, исчезли красные круги перед глазами.

– Извините, – прошептала она.

Рудницкий закашлял, почти минуту он не мог восстановить дыхание.

– Что?! – прохрипел он.

– Я сказала: извините, – повторила она нетерпеливо.

– Кто вы и почему меня преследовали?

– Я не преследовала, а охраняла, – объяснила она. – Я не хотела сделать вам больно, просто среагировала.

Рудницкий со стоном поднялся, потер ушибленные мышцы. Несмотря на то что Анквич научил его падать, существовала большая разница между падать на мат или на мостовую.

– Я вижу вас впервые в жизни, как вы можете меня охранять?

Незнакомка скривила губы в гримасе не то пренебрежения, не то возмущения.

– Это неважно, – заявила она.

– Вы знаете, кто я? – спросил алхимик.

Она кивнула.

– Если так, то прошу меня не провоцировать, юная леди!

Я принял вас за обычную женщину, но второй раз я не допущу такой ошибки. Я хотел бы услышать ответы на свои вопросы, если я их не получу, то буду очень недовольным. Очень-очень недовольным, – подчеркнул он.

Теперь она испугалась, ее губы цвета клубничного мусса дрожали, как у обиженного ребенка.

– Задавайте, – сказала она.

– Прежде всего прошу снять эту идиотскую шляпку и представиться! В отличие от вас я не знаю, кто вы!

– Что вам не нравится в моей шляпке? – с обидой проворчала она.

Маленькая, озорная шляпка шла ей, как никакой другой женщине, но Рудницкий не собирался информировать об этом незнакомку.

– Я жду! – рявкнул он.

На ней был костюм, состоящий из напоминающего мундир жакета и плиссированной юбки чуть выше щиколоток. Все светло-голубого цвета. По приказу Рудницкого она со злостью сорвала шляпку. Светлые волосы цвета липового меда рассыпались по плечам, на землю упала декоративная заколка.

– Из-за вас я испортила прическу.

Женщине было не больше двадцати. Бездонные миндалевидные глаза цвета незабудок и четко очерченные скулы придавали ей слегка экзотический вид, правильные черты лица и прямой носик дополняли образ. Если бы не слишком высокий для женщины рост – почти метр семьдесят, – ее можно было назвать идеальной красавицей.

– Прощу. – Рудницкий подал ей заколку.

Она поблагодарила неуверенной улыбкой.

– Вот мой паспорт. – Она протянула алхимику документы.

Он быстро перелистал его, тяжело вздохнул, прочитав фамилию: Юлия Лукомская! Рудницкий немного помнил из уроков по геральдике и генеалогии, которые давал ему дядя, но Лукомские хоть и не принадлежали к аристократии, но, как родственники Гедиминовичей⁶, могли использовать княжеский титул. Принимая во внимание, что недавно он встретил особу, которая направо и налево одаривала такими почестями своих подопечных, не нужно было спрашивать, кто приставил к нему госпожу Лукомскую. Осталось выяснить: с какой целью.

– Чего госпожа Росси хочет от меня? – гневно спросил он.

– Я уже говорила: я вас охраняю.

– Я не просил ее об этом!

– Мы получили информацию, что вам грозит опасность, – пояснила она. – И нет, я не знаю откуда! – предупредила она

---

⁶ Гедиминовичи – правящая династия Великого княжества Литовского и общее название княжеских родов Литвы, Белоруссии, Польши, России и Украины.

его следующий вопрос.

– Как вы меня узнали?

– У меня был ваш портрет.

Рудницкий молча протянул руку. Девушка вытащила из сумочки листок с наброском, сделанным карандашом, и через мгновение добавила к нему второй, заполненный мелким аккуратным почерком.

– Достаточно точно, – похвалил он.

– У Софии талант. Она видела вас в школе, в коридоре.

Алхимик глянул на записи и с недоверием покачал головой. Его описали как «худощавого, но широкоплечего мужчину подходящего роста, с властным, иногда свирепым выражением лица и выразительным подбородком». По мнению госпожи Росси, у него были глаза цвета светлого ореха с золотыми крапинками.

– Такое могла написать только женщина, – буркнул он.

– Я могу поселиться в вашем отеле, – предложила девушка, ослепительно улыбнувшись алхимику. – Естественно, я заплачу. Таким образом, я могла бы...

– Хватит! – рявкнул Рудницкий. – Не смейте меня преследовать. И никаких возражений! – добавил Рудницкий, видя, что девушка открывает рот.

По дороге в «Пристанище» он пытался обуздать свой гнев. Если бы ему действительно что-то угрожало, мадам Росси точно не отправила бы за ним молодую девушку, вооруженную кинжалом, хотя и знакомую с такими штучками, ка-

кие Анквичу и не снились. Вывод? Угрозы не существует, а барышня Лукомская – только приманка, с помощью которой старая проститутка решила его контролировать. «Нужно указать ей на ее место», – пришел к выводу Рудницкий. Если госпожа Росси узнает о его контактах с Проклятыми, и так невеселая ситуация еще больше усложнится.

* * *

Она сидела за его любимым столиком. Возможно, она хотела ему что-то сказать или возмутиться против способа, каким ее сюда доставили – люди Маевского были не слишком вежливыми, – однако холодная ярость в глазах алхимика быстро заставила ее проглотить готовые сорваться слова.

– Одна из ваших девушек следила за мной, – заявил Рудницкий ледяным тоном. – Это недопустимо! Если что-то такое повторится, я разорву наш договор.

– Я...

– Вы меня поняли?!

– Прекрасно поняла, – ответила она, гневно поджимая губы. – Я могу кое-что добавить?

– Ну?

– Это правда, что я раздала девочкам ваш портрет и подробное описание, но только для того, чтобы они знали, с кем имеют дело, и в случае чего могли оказать вам всякую поддержку. Я не приказывала им охранять вас и тем более

следить!

– Тогда почему барышня Лукомская сказала, что мне грозит опасность?

– Возможно, я говорила, что ваша миссия опасная, но...

Алхимик поднял руку, прерывая Росси.

– Хватит! – твердо произнес он. – Вам мало смерти одной подопечной, вы хотите рисковать жизнями других? Есть еще один аспект этого дела: как вы не хотите, чтобы узнали ваши секреты, так и я не хочу, чтобы совали нос в мои. Тем более что иногда я консультирую правительство, и то, что я делаю, должно остаться в тайне. Представьте себе, как отреагируют власти, если у них появится хоть малейшее подозрение, что вы можете действовать в интересах врагов республики? Или что сделают с вами кинжалыщики? – добавил он тише.

Она представила и чуть не выпустила из рук чашку, а ее лицо стало как мертвая маска.

– Я никогда бы...

– Больше никогда, – прервал ее алхимик.

Она наклонила голову.

– Я последую вашим указаниям и поговорю с Юлией, – пообещала она. – Я могу спросить, что вы планируете? Я беспокоюсь за девочек.

Алхимик глубоко вздохнул, стараясь урезонить раздражение от вежливости директрисы и горько-сладкой волны жалости к себе. Клара Росси не могла знать, что ему угрожает смерть и у него есть более важные дела, чем исчезновение

двух девушек. Принимая деньги, он дал ей право контролировать ход расследования.

— Мои люди ищут их, — заверил он. — Также я связался с полицией. Я должен встретиться с неким Терлецким, чтобы ознакомиться с медицинской документацией и другими деталями убийства. Возможно, это позволит сузить круг подозреваемых.

— Я могу кое-что предложить?

— Конечно.

Клара Росси вытащила из сумочки и положила на стол серебряную цепочку от часов с кулоном в виде купидона. Рудницкий сразу же вспомнил тот кулон, что показывал ему Косцельский, но этот был немного другой формы и серебряный.

— Это что-то вроде подтверждения, что вы действуете в интересах нашей... институции. Я рекомендовала бы вам носить его на видном месте. И не беспокойтесь об этом Терлецком, лучше сразу же обратитесь к начальнику полиции Бунде.

Алхимик неохотно поднял кулон, намотав серебряную цепочку на палец.

— Вы так считаете? — пробубнил он. — Я не хотел бы, чтобы меня принимали за клиента вашей... институции.

Женщина смерила его взглядом, сглотив гнев вместе с глотком кофе.

— Наши клиенты получают кулоны немного другого вида,

этот служит пропуском. Не бойтесь, никто ничего не подумает! Все, кто каким-либо образом связан с фондом или «Золотым дворцом», должны оказать всяческое содействие предъявителю этого знака под угрозой разрыва всех контрактов.

Рудницкий вытащил часы и примерил цепочку, она подходила идеально. Слишком идеально, чтобы это было простым совпадением.

Клара Росси отреагировала на его удивление едва заметной гримасой, уголки полных губ лишь слегка дрогнули, только и всего, если бы он моргнул, то ничего бы не заметил.

– Что это значит? – прямо спросил он. – Даже цепочка такой же длины, как и старая.

– Одна из ваших работниц измерила ее для меня, – сразу же ответила она. – Она училась когда-то в нашей школе.

– Которая?

– Катерина Вольская.

Рудницкий наморщил брови, он знал большинство из своего персонала, знал и Вольскую. Вот только горничной было под шестьдесят, поэтому она не могла быть ученицей мадам Росси. Если только организация, которую представляет его собеседница, намного больше и старше, чем он думал.

– Вы уволите ее? – спросила женщина.

– Я подумаю.

– Если мы все обговорили, то не буду вам больше мешать, – сказала она, вставая.

Рудницкий взмахом руки позвал официанта.

– Маевского ко мне, – резко приказал он. – Немедленно!

К его удивлению, официант вышел из отеля и через минуту вернулся с Маевским.

– Где ты был? – спросил алхимик.

– Разговаривал с Кларой, – без смущения ответил Маевский. – Я ждал ее у выхода.

Рудницкий нахмурил брови: его подчиненный был слишком умным, чтобы разболтать что-то по неосторожности или рассеянности. В таком случае его ответ следует воспринимать как проявление чувств к мадам Росси. Черт!

– Это я заинтересовался ею, и это не только не повредит нашему делу, а наоборот, облегчит получение информации, – заверил Маевский.

Алхимик окинул подчиненного скептическим взглядом и жестом попросил объяснений.

– Кто-то такой, как она, может быстро отличить блеф от правды. Если бы я попытался ее обмануть, она раскусила бы меня в одно мгновение. И к тому же у меня сложилось такое впечатление, что и я ей не безразличен.

– Она может притворяться.

– Некоторые вещи нельзя симулировать. Ну, знаете: учащенный пульс или там...

Рудницкий вздохнул, он не хотел знать, при каких обстоятельствах Маевский измерял пульс госпоже Росси.

– Будем надеяться, что ты не ошибаешься.

– У вас есть для меня распоряжения на сегодня?

– Да, постарайся узнать, сколько наших работниц были связаны с фондом или «Золотым дворцом».

– Две, – не задумываясь ответил Маевский. – Вольская, но вы уже знаете, и некая Гертруда Журека. Эта последняя работает прачкой, – добавил он, видя непонимание в глазах работодателя.

– Что будем с ними делать?

– А зачем с ними что-то делать? Сейчас они под контролем, а если мы их уволим, то будем вынуждены взять новых, и, кто знает, будут они такие же безвредные. Я подозреваю, что половина наших работников – это... не случайные люди. Вы слишком важная персона, чтобы это было иначе.

Рудницкий выругался – спорить с фактами было бессмысленно.

– Отдохните, – предложил Маевский. – Вам необходимо немного расслабиться, завтра будет тяжелый день.

– Я иду в кино, показывают «Куклу», – проинформировал алхимик.

– Хорошая идея, но возьмите экипаж.

– Возьму, – пообещал Рудницкий. – У меня прошло желание гулять пешком в одиночестве.

* * *

Несмотря на вечернее время – было почти семь, – на улице царила жара. Горячий душный воздух, словно перед бу-

рей, заставил Рудницкого в нерешительности остановиться перед экипажем и задуматься, а не лучше было бы вернуться в прохладный отельный холл. Маленькая продавщица цветов возле входа грациозно присела в реверансе и улыбнулась ему. Развеселившийся алхимик с почтением поклонился ей. С тех пор как он запретил швейцару прогонять девочку, ребенок уже не выглядел таким истощенным. Время от времени гости отеля покупали букетики цветов для своих дам, а Татьяна Аристова не раз и не два выносила малышке лакомства. Кухарка не могла пройти мимо голодного человека.

Кучер открыл дверцу кареты, но алхимик, ведомый внезапным порывом, направился к цветочнице. С легким удивлением он заметил, что ребенок чисто одет, даже ее светлые волосы заплетены в худенькие косички. Только слишком резкие, как для ее возраста, черты лица свидетельствовали о том, что она не часто сытно питается.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Аня, – несмело ответила девочка.

– А меня – Олаф Арнольдович. Я могу пригласить тебя в кино?

Голубые глазки девочки заблестели, как два сапфира.

– Вы говорите про настоящее кино?

– Самое настоящее, – кивнул он. – Сколько тебе лет?

– Девять.

– Ты учишься в школе?

– Нет, только с мамой. Моя мамочка очень умная, – с лю-

бовью сказала она. – Она когда-то работала в школе, но ее уволили, когда она заболела.

Алхимик пригляделся к девочке внимательнее: платье заштопанное, туфельки знали лучшие времена, но ее поведение и манера говорить давали понять, что ею занимается кто-то с соответствующим уровнем образования и культуры.

– Как ты думаешь, твоя мама позволит тебе пойти со мной в кино?

– Позволит, только мне надо ее предупредить.

– Где ты живешь?

– На Крахмальной.

Рудницкий непроизвольно качнул тростью: Крахмальная тянулась от площади Железных ворот до Карольковой. Сомнительно, чтобы кто-то, даже бедняки, хотели жить возле стены анклава, значит, Аня живет где-то подальше, в сторону Воли. Они не успеют туда и обратно.

– А конкретнее?

– Рядом с перекрестком с Вронной, в каменице возле сапожной мастерской, – пояснила она.

– Не успеем, – громко повторил алхимик. – Сеанс начинается через полчаса. Давай сразу поедem в кино, а кто-то из отельных парней сообщит твоей маме?

Девочка с жаром кивнула. Рудницкий забрал у нее корзинку с остатками цветов и отдал швейцару.

– Вы позволите, – сказал он, подавая ей руку.

Аня захихикала и осторожно заняла место в экипаже.

– В Новый свет, – распорядился он.

Девочка сразу же прижалась к окошку, глядя на уличное движение. Судя по ее довольному выражению лица, сама поездка в экипаже уже была для нее настоящим развлечением.

* * *

После сеанса – фильм оказался вполне неплохой комедией – алхимик пригласил свою гостью на мороженое. Кафе «Гастрономия» не принадлежало к изысканным, скорее среднего класса, но официант окинул Аню презрительным взглядом. Если бы она не сидела за одним столиком с Рудницким, он точно бы выгнал ее. Успокоился, только когда встретился взглядом с алхимиком.

– Что подать? – пробубнил он.

– Юная дама? – Рудницкий переадресовал вопрос своей гостье.

– Я не могу выбрать, – призналась она, изучая меню. – Я хотела бы попробовать ванильное мороженое, но тут есть и земляничное, и дыня, и шодо...

– Шодо отпадает, – решительно сказал алхимик. – Оно с алкоголем. А что касается мороженого, попробуем все, – проинформировал он официанта. – А мне холодный кофе.

Одетый в черную униформу мужчина покорно поклонился, успев оценить клиента: льняной костюм от «Зарембы», стильная шляпа, испанские туфли, серебряная цепочка...

Через минуту сам хозяин заведения принес их заказ, пожелав приятного аппетита.

Рудницкий с улыбкой наблюдал за Аней, сначала девочка пыталась есть аккуратно, набирая мороженое на кончик ложечки, однако ее воля быстро сдалась в борьбе с лакомством, которое она могла видеть только в витрине, и через пару минут она испачкалась, как обычный ребенок.

Алхимик выпил свой кофе, подал Ане платочек и терпеливо ждал, пока девочка все доест.

– Больше не могу, – простонала она.

– Тебе понравилось?

– Да, очень.

Рудницкий полез в карман, однако до того, как он успел вытащить бумажник, возле стола появилась Луна, а через секунду Зав.

– Не помешаем? – вежливо спросил мужчина.

– Нет, что вы, – заверил алхимик. – Может, желаете кофе? Или десерт?

Видя, что компания увеличилась, один из официантов быстро убрал грязную посуду, а второй встал рядом, готовый принять заказ.

– Мне кофе, – заказал Зав. – А Луна любит мороженое.

Женщина кивнула, одобряя решение Проклятого.

– Что вы посоветуете? – спросила она Рудницкого.

– Честно говоря, я пил только холодный кофе, кстати, совсем неплохой. А вот насчет мороженого, тут сидит экс-

перт. – Алхимик указал на девочку.

– Что ты мне посоветуешь, солнышко? – с улыбкой спросила Луна.

– Самое вкусное земляничное, – решительно сказала малышка. – Но дыня тоже ничего. И я не ела шоколадного, – с сожалением сказала она.

– Ну, тогда я закажу все три вида и дам тебе попробовать шоколадного.

Аня растерянно посмотрела на Рудницкого и, поддержанная его ободряющим жестом, решительно кивнула. Заказ принесли почти мгновенно, и снова им прислуживал сам владелец заведения, называя алхимика – ну как же иначе! – «ваше превосходительство». Похоже, официант не только оценил материальный статус клиента, но и узнал, кто он такой.

– Ваше превосходительство? – с удивлением в голосе спросила Аня. – Почему тот толстый господин назвал вас «ваше превосходительство»? Вы кардинал?

– Нет, – неожиданно включился в разговор Зав. – Твой приятель очень важная особа, но не кардинал. Кардиналам говорят «ваше преосвященство».

– Господин Рудницкий не мой приятель, – сказала девочка. – Я только продаю цветы возле его отеля.

– Раз он пригласил тебя в кафе, значит, он хочет с тобой подружиться, – вмешалась Луна.

Рудницкий смущенно кашлянул: было заметно, что

theokataratos очарованы его отношениями с девочкой. Только почему? Что ее отличает от сотни других детей, которых он каждый день встречает на улице и которые не вызывают ни малейшей заинтересованности у Проклятых?

– Правда? – покраснела Аня.

– Правда, – согласился слегка растерявшийся алхимик. – Но мы должны уже возвращаться, иначе твоя мама будет беспокоиться.

Девочка послушно отложила ложечку – Луна отдала ей половину своей порции, – но неожиданно запротестовал Зав.

– Еще минутку, – попросил он.

В его руке появилась массивная серебряная монета. Брошенная на стол, она начала вращаться вокруг собственной оси, все быстрее и быстрее. Аня наклонилась вперед, чтобы лучше видеть, взрослые обменялись взглядами над ее головой.

– Астрея уже у вас, – заявил Зав шепотом. – Она осталась под опекой Вилланова. Прошу сообщить мне, когда мы можем забрать ее назад.

Рудницкий едва заметно кивнул и поднялся, попрощавшись легким поклоном. Аня с видимым сожалением вернула монету, но Луна положила ее обратно в ее маленькую, не слишком чистую ручку.

– Она твоя, – с уважением сказала она.

На улице все еще было жарко, стены отдавали тепло, но алхимик ощутил мороз по спине. Колеса кареты громыхали

по мостовой в странном беспокойном ритме – казалось, что они выбивают одну и ту же фразу: пять дней, пять дней...

Глава III

Оркестр заиграл вальс, Самарин склонился перед женой, и они закружили в танце. Зал был переполнен, на бал прибыли аристократы из Москвы и Петербурга. Одно присутствие Марии Павловны привлекло бы придворную элиту, а если добавить к этому желание познакомиться с «польской княжной» и факт, что Арсеньевы, имение Самарина, находилось недалеко от Твери, следовательно, имело отличное железнодорожное сообщение как со старой, так и с новой столицей империи, – удивительно, что тут еще хватало места.

Музыка вернула Самарина к действительности, и он ощутил аромат духов Анны. Его жена была одной из немногих, кто отказался от новой прически «под мальчика» в пользу более традиционной. Собранные в свободный пучок волосы открывали тонкую шею, шифоновое платье цвета светлой платины с глубоким декольте обтягивало стройную фигуру. «Дьявольски соблазнительное декольте», – подумал Самарин.

– О чем ты думаешь? – спросила Анна. – Разве джентльмен не должен развлекать даму разговорами?

– О твоём декольте и о том, что под ним скрывается, – честно ответил Самарин.

– В таком случае ты прощен. Может, тебе стоит отказаться от интеллектуальных размышлений и перейти к научным

исследованиям? Знаешь: размер, форма, фактура кожи... – предложила она с озорной улыбкой.

Воспользовавшись тем, что Анна на секунду отвела взгляд, он деликатно укусил ее за ухо.

– Если ты не перестанешь, я затащу тебя в бильярдную, – пригрозил он.

– Что ж, как учительница, я должна поддерживать науку, не глядя на обстоятельства.

Самарин гневно зарычал: он точно знал, что, по крайней мере, половина присутствующих следит за каждым его движением.

– Ты мне за это заплатишь, – шепотом пригрозил он.

– Отшлепаешь меня по голой попе? – Анна заморгала с притворным испугом.

Последний аккорд «Волн Амура» спас его от ответа, разогретые танцами гости направились в соседний зал, где подавали напитки и закуски.

– Принести тебе чего-нибудь? – спросил он.

– Да, бокал крюшона.

На возвышении остались только музыканты, а за столиками, расставленными вдоль стен, сидели несколько пожилых дам, рассчитывающих на то, что о них позаботятся родственники. Анна думала, что развлечение будет носить более неформальный характер, без крутящегося вокруг табуна слуг. Большой дворец восемнадцатого века, построенный одним из предков Самарина, мог похвастаться не только

огромным бальным залом, но и прилегающим к нему просторным помещением, которое часто использовали как буфет. Проходя мимо расположенных в проходе зеркал, Самарин критическим взглядом окинул свое отражение: черный смокинг с атласными лацканами, батистовый платочек, белая рубашка и элегантная «бабочка» контрастировали с суровыми чертами лица и сломанным носом, придавая физиономии генерала раздраженный и даже свирепый вид. Он намного лучше чувствовал бы себя в мундире, но с тех пор, как оставил службу, он на каждом шагу подчеркивал, что время, когда он слушался приказов, прошло.

Некоторые гости беседовали, собравшись группками, потягивая коктейли и напитки, другие толпились возле столов с закусками. Слуги только пополняли запасы, потому при чашах с пуншем и кувшинах с крюшоном дежурили галантные джентльмены. Самарин попросил две порции напитков, предназначенных для дам, с меньшим количеством алкоголя, и стал оглядываться в поисках жены. Она как раз разговаривала с несколькими придворными дамами. Похоже, Анна хорошо справлялась с ролью хозяйки.

– Дорогая, твой крюшон, – сказал Самарин, подавая жене бокал.

Она поблагодарила его улыбкой и легким взмахом веера дала понять, чтобы он не мешал. Самарин поклонился дамам и послушно отошел. Снова заиграла музыка, и большинство гостей поспешили в бальный зал. Пользуясь случаем,

генерал пошел к столу с закусками, положил себе в тарелку несколько бутербродов с икрой и уселся в уголке.

– Чего-то покрепче? – Кто-то глубоким басом предложил ему бокал.

Самарин поднял глаза: мужчина был одет в смокинг и хорошо знал, как его носить, но что-то в его фигуре свидетельствовало о том, что он привык к одежде немного другого типа. Мужчине было около шестидесяти, а бледный цвет кожи выдавал, что большую часть жизни он провел под крышей. «Чиновник, – пришел к выводу Самарин. – Чиновник высокого ранга, скорее всего, при дворе, только почему я его не знаю?»

– Позвольте присесть?

– Конечно, – быстро ответил Самарин.

– Советник Воронцов, – представился мужчина, протягивая ему руку. – Действительный тайный советник, – добавил он под внимательным взглядом генерала.

Самарин поднял бокал и сделал глоток, лихорадочно размышляя, что привело сюда Воронцова. То, что он видел его впервые, не удивляло, ведь список гостей составляли Анна с теткой, однако сам факт приезда советника ставил в тупик: действительный тайный советник соответствовал чину генерала или адмирала. Во всей империи их было чуть больше десятка, а принимая во внимание возраст господина советника, сомнительно, чтобы его интересовали танцы.

– Вы хорошо развлекаетесь, ваше превосходительство? –

наконец спросил Самарин.

Воронцов засмеялся и отставил бокал. Самарин наморщил лоб, стекло коснулось столешницы без звука, мало кто имел такую координацию движений. «Чиновник? Возможно, – подумал генерал. – Но явно не занимающийся перекладыванием бумажек в канцелярии».

– Если бы я был хотя бы на двадцать лет моложе, – ответил Воронцов со смесью ностальгии и веселья. – Но вы наверняка догадались, что дегустация вашего прекрасного коньяка – не единственная цель моего визита?

Генерал молча кивнул.

– Его величество ищет наставника для сына. Кого-то, кто следил бы за формированием характера цесаревича. Однако император не хотел бы навязывать Алексею чужого человека, лучше было бы, если наставником наследника престола стал кто-то, кого Алексей знает и уважает. К сожалению, таких особ не много.

Удивленный Самарин покрутил бокал в руках: положение наставника цесаревича давало огромные возможности, большие, чем какая-либо другая должность, ввиду доступа к императору в любое время дня и ночи. Не вызывало сомнений, что влияние наставника Алексея возрастет, когда тот сядет на трон.

– Я никогда не занимался воспитанием детей, – нерешительно сказал генерал. – Это огромная ответственность.

– Сам факт, что вы думаете об ответственности, а не об

укреплении своих позиций при дворе, говорит о том, что вы подходящий кандидат, – серьезно ответил Воронцов. – Я много разговаривал с Алексеем, – добавил он после минутного молчания. – Мальчик восхищается вами и благодарен за спасение своей жизни.

– Есть и лучшие кандидатуры.

– Наоборот, – вздохнул советник. – Вы находитесь в начале списка, рядом с бароном Рудницким. К сожалению, вы понимаете, что, несмотря на огромные заслуги вашего кузена, трудно его считать подходящим кандидатом для воспитания наследника престола.

– Но...

– Алексею нужен образец для подражания, – прервал его Воронцов. – Солдат, но не простак, человек отважный и честный, преданный идеям империи, но не фанатик. Вы действительно считаете, что у нас много таких людей? К тому же ситуация нестабильна, никто не может гарантировать, что через месяц или год не дойдет до очередного покушения на цесаревича. Этим занимаются соответствующие службы, но царь, как и царица, были бы спокойны, если бы возле их ребенка находился кто-то с вашими боевыми способностями, готовый отдать жизнь за цесаревича.

Генерал ощутил жар на щеках, а веселый блеск в глазах Воронцова сказал ему, что его собеседник заметил его румянец.

– Кто вы? От чьего имени вы делаете это предложение? –

спросил он.

– Я не выполняю никаких официальных обязанностей, а когда-то был наставником его величества. Неофициальным наставником. О разговоре с вами меня просил сам Ники⁷.

Прошла минута, пока Самарин переварил информацию. Не было тайной, что наставником нынешнего царя был известный своими консервативными взглядами Константин Победоносцев. Если Воронцов говорил правду – а не было повода ему не верить, – тогда кто сделал его дублером Победоносцева? Как царь смотрел на это? Какую роль при дворе выполнял теперешний советник? Похоже, он был в милости у царя, иначе бы не посмел назвать его таким именем.

– У вас, наверное, много вопросов, – сказал Воронцов, прерывая затянувшееся молчание. – И предполагаю, многие касаются моей роли в воспитании его величества.

– Конечно, – признался Самарин. – До этого император был малоизвестен своим либерализмом.

– О либерализме нет даже речи! – заверил советник. – Не у нас в России! Однако его величество понимает, что нужны перемены, очень осторожные и растянутые во времени. Большинство из них будет внедрять уже Алексей.

– И тут появляюсь я?

– Именно так. Император хотел бы, чтобы наследник престола проявлял больше гибкости в общественных и политических вопросах, чем он сам. Последние события убедили

---

⁷ Ники – имя, каким называла Николая II его жена и близкие друзья.

его в том, что видение мира, привитое ему Победоносцевым, необязательно наилучшее из возможных. Пожалуйста, поймите меня правильно: царь по-прежнему разделяет многие взгляды бывшего наставника, однако начинает смотреть на них более критично, чем раньше.

– Если вы были наставником его величества, то что сделало императора... – Самарин замолчал, не зная, как закончить предложение.

– Таким, какой он есть сейчас? – помог ему Воронцов. – Все просто. Победоносцев выиграл, а я оказался в немилости. Его влияние преобладало, а я вынужден был оставить двор. Этого и следовало ожидать, мои сторонники были из окружения Александра II, в то время они уже были в возрасте и утратили свою власть. Недавно царь попросил меня заняться образованием Алексея. Образованием, а не воспитанием, – подчеркнул он.

– Откуда вообще появилась моя кандидатура? Я военный, а не педагог, – поинтересовался генерал.

– Недавний рецидив болезни Алексея побудил императора проявлять к сыну больший интерес. Его величество заметил, что только вы и барон Рудницкий можете сделать так, чтобы цесаревич выполнял распоряжения не только послушно, но и осознанно. Ну и Алексей вас любит, что тоже немало важно, и его величество не хотел бы навязывать сыну того, кого он принял бы только из-за необходимости.

Самарин вытащил портсигар и предложил сигарету себе-

седнику.

– Мне нужно время подумать, – сказал он. – Я не знаю, как отнесется к этому моя жена, и не приму предложение, если она будет против.

– Конечно. Относительно вашей жены: ей не скучно в провинции? Если вы примете предложение его величества, и ей нашлось бы занятие при дворе.

– В каком смысле? – наморщил брови генерал.

– Учительницы, конечно же.

– И кого бы она учила?

– О, с этим не было бы проблем, – ответил Воронцов. – Многие дети нуждаются в специальном подходе и в опытном педагоге, таком, как Анна Петровна.

– Вы же не думаете про эту маленькую дьяволицу?

– Что ж, работа с ее императорским высочеством Анастасией – это один из вариантов. Нет и речи о принуждении, но, возможно, ваша жена хотела бы принять этот вызов?

Самарин засмеялся.

– В свое время я чуть не арестовал Анну за распространение нелегальных учебников по истории Польши, – сказал он, с трудом совладав со смехом. – Сразу после свадьбы она пробовала крепкие напитки и сигареты, до этого ездила на коне, сидя по-мужски, а один из моих родственников научил ее стрелять и драться с ножом. Это самая большая проказница! Я уверен, что вместе с княжной Анастасией они создадут прекрасный дуэт, который впоследствии мог бы довести

императрицу до апоплексического удара.

– Я думаю, что это будет не так уж и плохо, но мое задание – найти наставника для Алексея. Все остальное имеет второстепенное значение.

– Сколько у меня есть времени?

– Недели хватит?

– Хватит. А сейчас извините: обязанности хозяина.

– В таком случае не смею вас больше задерживать, – советник дружелюбно кивнул.

Самарин вернулся в бальный зал. Большинство гостей танцевали, некоторые, как Мария Павловна, сидели за столиками, разговаривали или наблюдали за танцующими парами. Невозможно было не заметить, что некоторые дамы были явно недовольны. Княгиня подозвала Самарина.

– Что случилось? – спросил он. – Не хватает алкоголя?

– Где ты пропадал? – буркнула Мария Павловна. – Я ищу тебя и ищу!

– Я разговаривал с Воронцовым, – пояснил он. – Что случилось?

– Потом про него расскажешь, – отмахнулась княгиня. – Сейчас у нас большие проблемы.

– Какие?

– Никто не приглашает на танец старших дам. Что за воспитание! Представь себе, как сплетники будут комментировать наш бал? Конечно, о тебе ничего не скажут, но Анна получит свое.

– Я не подумал об этом, – признал офицер. – Я привык, что в Варшаве с этим не было проблем.

– Конечно, поляки такие джентльмены.

Офицер закашлялся, стараясь спрятать за кашлем веселость.

– Что такое? – наморщила брови Мария Павловна.

– Как бы вам объяснить... В польских полках, особенно в кавалерии, существуют специфические обычаи. Один из них обязывает офицеров до полуночи танцевать исключительно с дамами старше сорока. Лишь потом они могут приглашать на танец молодых дам. И любезность тут ни при чем, польские уланы называют это «перетаскиванием шкафов» и воспринимают как тяжелую повинность.

Княгиня гневно фыркнула, но губы дрогнули в сдерживаемой улыбке.

– Коль тут нет польских уланов, вся надежда на тебя, – сказала она. – Может, ты подашь пример, и другие поймут, в чем дело.

– С удовольствием, – произнес Самарин. – Вы окажете мне честь, тетушка?

Мария Павловна позволила вывести себя в центр, вскрикнула от страха, когда оркестр заиграл малопопулярный еще в Европе фокстрот, но уверенно держалась за внука.

– Сейчас тебе стоит найти другой шкаф, – запыхавшись, произнесла она. – Начни с баронессы фон Лушке, – посоветовала она.

– Может, сначала мотивирую молодежь? – предложил Самарин.

Баронесса принадлежала к одной из наименее любимых аристократок, а ее категоричный и едкий юмор оброс легендами, но из-за огромного состояния и влияния мало кто отваживался не прислать ей приглашение.

– Ты потанцуешь с ней! – тоном, не терпящим возражений, сказала княгиня.

– Потанцую, – со вздохом пообещал генерал.

Госпоже фон Лушке было за шестьдесят. Узким, угловатым лицом и проворными движениями она напоминала хищную птицу. Впечатление усиливало серое платье, украшенное коричневыми рюшами. Баронесса сидела – какая неожиданность! – одна, за угловым столиком, потягивая лимонад.

Проходя мимо группы молодых офицеров, генерал на мгновение остановился и тихо напомнил, что на танец рассчитывают и остальные дамы. Не ожидая ответа, он двинулся дальше, избегая других гостей. У него была миссия...

Баронесса не выглядела довольной его появлением. Самарин с трудом сдержал нервную гримасу, вызванную пристальным взглядом желтых, как у ястреба, глаз. Узкие губы женщины растянулись в язвительной улыбке.

– Что побудило вас составить мне компанию? – спросила она.

– Вы позволите? – Он указал на свободное кресло.

– Прошу.

Чтобы выиграть время, генерал налил себе лимонад. После первого глотка он закашлялся: кто-то добавил в напиток чистый спирт.

– Извините, – сказала баронесса без тени сожаления. – Не успела вас предупредить.

– Мне казалось, что в моем доме хватает алкоголя, гостям не нужно приносить свой, – заметил он, справившись с удивлением.

– Вы представляете, какие пошли бы сплетни, если бы меня поймали за распитием коньяка?

– Я думал, это вы решаете, кто и о чем сплетничает, – произнес он.

– Не совсем так, молодой человек, не совсем так.

– Не окажете ли мне...

– Нет, – бесцеремонно прервала она. – Не окажу.

Офицер поднял брови, отказ от приглашения на танец считался непростительной грубостью. Похоже, баронесса полагала, что не обязана следовать общепринятым правилам.

– Я больна, – заявила она, прикусив губу. – Я контролирую боль, пока хватает немного алкоголя, но уже не могу танцевать. Теперь вы знаете тайну ведьмы фон Лушке, – добавила она с горечью. – Теперь вы можете оставить меня в покое!

– Я – хозяин, и в мои обязанности входит забота о гостях, – сказал он. – И не беспокойтесь, я никому не скажу.

– Даже Марии Павловне? – Она посмотрела на него ис-

подлюбья.

– Если вы не хотите...

– Не хочу!

– Что с вами?

– Рак, – ответила она. – Только не утешайте меня, не выношу этого!

– Не буду, – пообещал он. – Часто это смертельная болезнь.

Баронесса посмотрела на него с любопытством.

– А вы мне нравитесь, – сказала она. – Может, ваше общество и не будет таким утомительным, как я боялась. Коль мы не можем танцевать, развлеките меня разговором.

– С удовольствием. Вы советовались с докторами?

– Это самый банальный вопрос. Советовалась. Ни один не может мне помочь. Есть еще алхимия и магия, но я не доверяю этим шарлатанам. К тому же они не занимаются лечением.

Самарин задумчиво крутил бокал в руках, потом сделал очередной глоток.

– Совсем неплохо, – сказал он.

– Вы выглядите рассеянным, вам скучно?

– Нет, что вы! Просто думаю, сказать это или лучше смелить тему.

– И что же это такое? – с недоверием спросила баронесса. – Вы же не собираетесь меня жалеть?

– Ни за что! – искренне заверил генерал. – И я думаю, вы

зря беспокоитесь: среди чувств, что вы вызываете, точно нет жалости.

Женщина какое-то время смотрела на него, а потом засмеялась.

– Тогда чего же вы боитесь?

– Видите ли, так сложилось, что я знаю одного алхимика и лекаря...

– Это уже не банальщина, а смертельная тоска. Вы знаете, сколько таких советов я уже получила?

– Это тот, кто вылечил наследника престола.

– Это этот... Руджс... Рудки...

– Рудницкий, – помог генерал.

Госпожа фон Лушке забарабанила пальцами по столешнице, после чего сделала большой глоток лимонада.

– Что-то подозрительно быстро вам пришло это в голову, – ответила она тоном, в котором смешались недоверие и надежда. – Вы хотите отомстить? – резко спросила она. – Чем я вас обидела? А может, кого-то из ваших знакомых?

Самарин глубоко вздохнул, пытаясь не выказывать нетерпение. Похоже, мнение о баронессе было более чем заслуженным.

– Я солдат, а не придворный, – спокойно сказал он. – Если бы у меня были какие-нибудь претензии к вам, я бы выложил их прямо вам в глаза, а не сплетничал за спиной. Что касается Рудницкого, я уже думал о нем в таком контексте, к сожалению, о болезни близкого мне человека я узнал лишь

спустя время.

– У вас кто-то умер?

– Няня.

Генерал ожидал криков недоверия или насмешки, аристократия редко замечала слуг и почти никогда не беспокоилась за их судьбу, но его собеседница понимающе кивнула.

– Я тоже любила свою няню, – призналась она. – От чего умерла ваша?

– От рака.

– Вы уверены, что этот Рудницкий мог бы помочь?

– В таких делах никогда нет уверенности, но это известный алхимик и один из самых компетентных врачей, каких я только встречал. Кроме того, что он сделал для цесаревича, он спас жизнь мне и помог тетке. Когда-то она очень мучилась от ревматизма, – пояснил он.

– Он правда ваш кузен? Я слышала, что Мария Павловна включила его в свое завещание, – сказала она со злорадством.

– Конечно, – хладнокровно подтвердил генерал. – Но это очень далекое родство. А относительно завещания я не имею ничего против, но сомневаюсь, что Олаф примет хоть что-либо от тетки. У него и у самого огромное состояние. Вы слышали об «экстракции Рудницкого»?

– Что-то слышала, но не помню деталей.

– Это новый, самый эффективный метод получения первичной материи. Мой кузен изобрел его и запатентовал.

– Вы уверены, что он еще практикует? – с недоверием спросила баронесса. – У него столько богатства? Когда в последний раз вы его видели?

– Два месяца назад в Варшаве. Практикует ли? Думаю, да, но это не имеет большого значения. Если вы хотите, я напишу ему, чтобы он занялся вами.

– И он слушает вас?

– Послушает, – ответил Самарин.

Его отношения с алхимиком были запутанными, а последние события еще больше их усложнили. Трудно смириться с тем фактом, что именно Олаф начал польское контрнаступление, что остановило почти победившую Восьмую армию. Не вызывало сомнений, что господин алхимик убил больше россиян, чем несколько польских полков, вместе взятых. Поэтому генерал не торопился налаживать личные контакты с Рудницким – они не разговаривали со времени подписания мирного договора, – хотя не сомневался, что тот исполнит его просьбу и поможет баронессе.

– Сколько мне это будет стоить?

– Дорого, – с раздражением буркнул генерал. – Вам придется сказать «спасибо», если он вас вылечит, поскольку Олаф не примет никакого денежного вознаграждения.

Баронесса гневно фыркнула, она вытащила платочек и вытерла подозрительно заблестевшие глаза.

– Вам плохо? – беспокойно спросил Самарин. – Может, вызвать врача?

– Нет, ничего не нужно.

– Но...

– Я же сказала, что ничего не нужно! – рявкнула она. – Просто на мгновение позавидовала Марии Павловне, что у нее такая семья. Моя семья жаждет от меня только денег, а внуки решили через суд признать меня умалишенной.

– Как я понимаю, безрезультатно?

– Я знаю их не первый день, – ответила женщина. – Я указала в завещании, что в случае моей внезапной смерти или признания меня сумасшедшей все мое имущество переходит нескольким выбранным мною фондам. Покровителем одного из них является царица, поэтому нет и речи о каких-либо судебных махинациях.

– Внезапной смерти? – задумчиво повторил офицер. – Вы считаете, что кто-то... – Он замолчал, не закончив предложения.

– Не знаю, я предпочитаю этого не проверять.

– Как они себе это представляют? – с недоверием спросил Самарин. – Они думают, что засунут вас в дурдом, и никто этим не заинтересуется? Насколько я помню, вы были фрейлиной Марии Федоровны. Его величество точно приказал бы расследовать это дело.

Госпожа фон Лушке грустно улыбнулась и махнула рукой, чуть не сбив бокал.

– Кто будет беспокоиться о старой женщине?

Неожиданно ее грустная улыбка превратилась в гримасу

боли.

– Помогите мне дойти до кареты, – процедила она сквозь стиснутые зубы.

– Что случилось?!

– Ничего такого, обычная боль.

– Я немедленно вызову лекаря.

– Вы хотите унижить меня перед всеми этими... кумушками?! Я никогда на это не соглашусь!

– Ну хорошо, тогда я проведу вас в свои апартаменты, – предложил генерал. – Вы отдохнете, а я покопаюсь в аптечке, может, найду опиум или морфий.

Аристократка приняла предложенную ей руку и позволила провести себя к выходу. Стекающие по вискам капли пота свидетельствовали о том, сколько усилий ей стоил каждый шаг.

– Вы знаете, как соблазнить девушку, – сказала она охрипшим голосом. – Если бы я была моложе лет так на двадцать, вашей жене пришлось бы туго!

Слуга помог открыть двери, и через минуту Самарин уложил свою гостью в шезлонг.

– Боюсь, это не поможет, – отозвалась баронесса. – Как вы думаете, почему я употребляю алкоголь? Обезболивающие на меня не действуют, если только в дозе, что приведет к потере сознания.

– Это невозможно!

– Возможно, возможно... Поэтому ни один коновал, к ко-

му я обращалась, не помог мне. Но я вижу, что у вас есть телефон. Может, проконсультируетесь с кузеном?

– Сейчас?! В полвторого ночи!

– Я думала, что врач должен быть доступен для пациента в любое время, – парировала она.

Офицер хотел сказать баронессе, что она еще не пациентка Рудницкого, но подошел к телефону и заказал разговор с Варшавой.

– Рудницкий, – отозвался хриплый голос в трубке.

Самарин тяжело вздохнул: похоже, друг был в плохом настроении. Вообще-то ничего удивительного, никто не любит, когда его поднимают с кровати посреди ночи.

– Извини за звонок в такое время, но мне нужен твой врачебный совет, – сказал он.

– Сашка, ты? Телефонистка так промямлила, что я не слышал фамилию.

– Да, это я.

– Кто-то заболел? – с беспокойством спросил Рудницкий.

– Никто из семьи, это непредвиденный случай. У меня бал и...

– Поздравляю! – прервал его алхимик. – А нас тут темная ночь! Но ладно, рассказывай, что случилось.

– Одной из приглашенных, баронессе фон Лушке, стало плохо. Она говорит, что у нее рак. Я предложил ей опиум, но она утверждает, что такие лекарства ей не помогают. Такое возможно? – неуверенно спросил он. – Но, знаешь, она мно-

го пьет, утверждая, что так умиряет боль, может, это алкоголизм? – сказал он, перейдя на польский язык.

Гневное фырканье подтвердило его опасение: баронесса поняла, что он сказал.

– Может, сначала спросишь, что у нее болит? – со вздохом предложил Рудницкий.

– Что у вас болит? – повторил Самарин.

– Руки, – буркнула баронесса. – Особенно левая.

– Дай ей трубку, – распорядился алхимик.

Генерал послушно передал трубку, с облегчением избавляясь от роли посредника. Разговор длился довольно долго, наконец женщина протянула трубку Самарину.

– Ну и? – нервно спросил он. – Что с ней?

– Я не уверен, но, прежде чем поставить диагноз, я должен провести пальпацию.

– Что?!

– Я сам не смогу этого сделать на расстоянии, – пояснил алхимик. – Баронесса согласилась.

– На что, черт возьми, она согласилась?! Что за пальпация?

– Ничего такого, ты должен только пощупать баронессу.

– Что?!

– Я не шучу, – заверил Рудницкий. – Сначала нажми на живот, потом осмотри суставы. Плечи, локти, колени. Только осторожно, они могут быть опухшими.

– Ты шутишь!

– Упаси Боже!

Несмотря на решительное отрицание, офицер ощутил в голосе друга веселость.

– Это часть медицинской процедуры.

– Ну да, конечно!

– Мне долго так лежать?! – нетерпеливым тоном спросила баронесса.

Офицер подошел к пожилой женщине и положил руки ей на живот, несколько раз нажал, меняя положение рук.

– Живот не болит, – отчитался он.

– Теперь суставы.

Баронесса закатала рукава платья, демонстрируя отек левого плеча.

– Одна рука сильно опухла, – подтвердил Самарин. – Я боюсь ее трогать.

– Не нужно, – хмуро ответил алхимик. – Мои коллеги были правы, это, скорее всего, рак костей.

– Что мне с ней делать? Баронесса выглядит так, словно сейчас потеряет сознание. У нее страшные боли.

– Да, – подтвердил Рудницкий. – И, честно говоря, в случае рака костей никакие анальгетики не помогают.

– И что теперь?

– Тетушка на балу?

– Да, а что?

– Когда у нее были приступы ревматизма, я создал для нее сильное противовоспалительное. Это такие ампулы, на-

полненные темной, слегка радужной жидкостью. У тетушки они наверняка есть при себе.

Самарин вышел в коридор и отдал распоряжение слуге.

– Я оправил слугу за ампулами, – сказал он. – Что дальше?

– Мария Павловна держит эти лекарства в футляре вместе со шприцами. Ты сделаешь укол баронессе.

– Ты спятил?! – воскликнул офицер. – Я никогда не держал в руках шприц!

– Всегда бывает первый раз. Тут ничего трудного, это просто внутримышечный укол.

– Может, это и ничего трудного для тебя. Я даже не знаю, куда колоть.

– В любую выступающую часть баронессы, – с иронией ответил алхимик.

– Это же больно. Что, если она начнет вырываться? Я не могу с ней драться!

– Тебе не придется, она так мучается от боли, что даже не почувствует укола.

– Я могу попросить Анну, но боюсь, что люди начнут сплетничать, если и она неожиданно исчезнет из поля зрения гостей.

– Тут действительно ничего трудного, – успокоил его Рудницкий.

Их разговор прервал стук, и в комнату вошел слуга. Он положил на стол небольшой стальной цилиндр и вышел, отправленный нетерпеливым взмахом генерала.

Самарин открыл цилиндр, внутри лежало несколько ампул и зловеще блестящий шприц.

– У меня все есть, – сказал он в трубку. – Что теперь? Только без твоих шуточек!

– Открой одну ампулу и наполни шприц. И выбери иглу среднего размера.

– Сделал.

– Хорошо, у тебя два варианта: ягодица или плечо. Во втором случае лекарство подействует быстрее.

Офицер подошел к баронессе, та молча снова закатала рукав, Самарин стиснул зубы: под кожей женщины сформировалась хорошо заметная опухоль. Генерал решительным движением воткнул иглу в слабые мышцы и нажал на поршень. Баронесса вскрикнула, ее лицо искривилось в мучительной гримасе.

– Она должна была ничего не почувствовать! – рявкнул офицер.

– Я не хотел тебя пугать, – сказал Рудницкий. – Я так понимаю, ты закончил?

– Конечно!

– Она должна ощутить облегчение через пару минут.

– Это ее вылечит?

– Нет, но уменьшит боль.

Самарин посмотрел на баронессу, женщина беспомощно лежала в шезлонге, но казалось, что ее кожа утратила серый оттенок.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Рука болит, как гнилой зуб, но этот препарат, кажется, действует. Мне уже легче.

– И как там моя пациентка? – спросил Рудницкий.

– Твоя? – процедил Самарин. – Я думал, что моя! Кажется, ей легче, – неохотно сказал он.

– Это хорошо, – зевнул в трубку алхимик. – А теперь, если позволишь...

– Минутку! – беспокойно остановил его Самарин. – Что дальше? Кто-то же должен продолжить ее лечение?

– Лечение рака костей? – переспросил Рудницкий. – К тому же поздней стадии.

– Хочешь оставить ее так?

– Но я не могу лечить баронессу на расстоянии! И к тому же я никогда не занимался лечением рака, бог миловал. Я могу самое большее уменьшить ее боль.

– И каким это образом? Ты же говорил, что лекарства не подействуют?

– Помнишь того украинца, который...

– Да! – прервал его Самарин. – Теперь понимаю.

Современный аппарат хорошо передавал звуки, и генерал не собирался знакомить фон Лушке со своими проблемами с *Amici Mortis*.

– Ты займешься лечением баронессы, если она приедет в Варшаву?

– Могу попробовать, если ты так беспокоишься. Это ка-

кая-то знакомая тетушки?

– Да.

– Ладно, постараюсь уговорить власти, чтобы ей как можно быстрее разрешили въезд.

Самарин поблагодарил и положил трубку. После последнего столкновения каждый россиянин, который хотел въехать на территорию Варшавской республики, должен был получить определенное разрешение.

– Вы слышали? – спросил он у баронессы.

Женщина кивнула.

– Ваш кузен сможет мне помочь? – спросила она с сомнением в голосе. – Я слышала, что такие дела длятся неделями. А вы понимаете, что в моем состоянии я могу не дожидаться. Я не боюсь смерти, но эта боль... Она невыносима. Если бы у меня было больше отваги, я давно бы выстрелила себе в лоб.

– Обычно уговаривания Олафа напоминают ампутацию без наркоза, – скривился Самарин. – Странно, что сейчас все прошло так легко. Возможно, потому, что я представил вас как знакомую тетушки? Тем не менее когда он что-то обещает, то держит слово и обычно принижает свои способности, чем наоборот.

Баронесса села и осторожно пошевелила больной рукой.

– Боль можно терпеть, – сказала она. – Только бы это подольше продлилось! Я немедленно отправлю господину Рудницкому вознаграждение! Это невероятно! – дрожащим голосом сказала она. – Какое лекарство могло подействовать

так быстро?

– Подробности спросите у Олафа, я в этом не разбираюсь. И на вашем месте я бы не спешил с деньгами. Я не исключаю, что какая-то компенсация была бы приемлема, некоторые из алхимических ингредиентов стоят целое состояние, но только по просьбе Олафа. Этот олух может обидеться, как институтка, – сказал он, дотрагиваясь до своей щеки. – Лучше, чтобы он не чувствовал себя обиженным.

– Я вижу, вы в близких отношениях с кузеном, – заметила она с тенью улыбки на бескровных губах.

Офицер с неодобрением посмотрел на фон Лушке и двинулся к бару, потом вернулся к столу с бутылкой водки и одним стаканом.

– Имею право после всего этого, – буркнул он. – Вам я не предлагаю, поскольку черт его знает, как алкоголь сочетается с этим лекарством.

Аристократка пренебрежительным жестом отклонила его объяснения и подошла к дверям.

– Было бы неплохо, если бы вы меня проводили, – едко сказала она. – Перед тем как я уйду, я хотела бы поблагодарить вашу жену за чудесный прием.

«Хоть что-то хорошее, – подумал Самарин, отставляя стакан. – Все женщины петербургского общества будут восхвалять Анну следом за баронессой. Тетка должна быть в восторге».

Светало. Падающие из окна лучи солнца изгоняли остатки ночного мрака из спальни. Самарин растерянно погладил жену по голове и осторожно отодвинулся, поднимаясь с кровати. Бал недавно закончился, было пять утра, но генерал не мог заснуть, несмотря на усталость. Предложение Воронцова выбило его из равновесия.

Анна что-то промурлыкала и притянула мужа к себе.

– Куда ты? – спросила она сонным голосом. – Все время крутишься!

– Не могу заснуть, – признался генерал.

Взволнованная Анна села на кровати.

– Что случилось? И что ты делал с баронессой фон Лушке? Я хотела спросить раньше, но заснула как убитая. Вы исчезли на целый час. Говорят, что она мегера, а она хвалила меня при всех, словно я была ее любимой внучкой. Ну давай, рассказывай. – Она толкнула мужа голой пяткой.

– Ну, мы играли в доктора и пациентку, – злорадно произнес Самарин. – Я делал ей укол, – добавил он серьезно.

– Она плохо себя чувствовала?

– Что-то в этом роде.

– А конкретнее?

– Я не могу об этом говорить, я дал ей слово.

Анна пошевелилась, позволив и без того короткой ночной

рубашке съехать с ее плеча, оголяя часть груди. Она подтянула ноги, чтобы продемонстрировать круглые, полные бедра. Самарин протянул руку, Анна ударила его по пальцам.

– Сначала информация! – потребовала она. – Эта маленькая процедура тебя так расстроила?

– Нет, дело в Воронцове.

– Советнике? Я все думала, зачем он принял приглашение, он не сторонник таких развлечений.

– У него было предложение для меня. Спокойно! Это не имеет ничего общего с армией! – заверил он, видя выражение лица жены. – Он хотел, чтобы я стал наставником Алексея. Это двойная сделка: если захочешь, можешь заняться обучением Анастасии.

– И что ты думаешь об этом?

– Я колеблюсь. С одной стороны, это спокойное занятие, а с другой – требует постоянного присутствия при дворе. А я не перевариваю этих придворных паразитов. Ну и хотел с тобой посоветоваться.

– Наставник цесаревича? Ну не знаю...

Самарин наморщил брови и вопросительно посмотрел на жену.

– Что я получу, если соглашусь? – рассмеялась она. – Если хочешь, я даже могу учить эту маленькую негодницу.

– Что только захочешь, – галантно заявил он, целуя жену в колено.

Анна кинула на него невинный взгляд из-под опущенных

ресниц.

– Правда?

– Что ты придумаешь в этот раз? – смиренно спросил он. – И сколько мне это будет стоить? Мне построить еще одну школу для крестьянских детей? А может, молочную ферму? Представь себе все эти соски? Как начнут меня благодарить...

Графиня Самарина уперлась в грудь мужа ногами и резким движением толкнула его с кровати.

– Я тебе дам соски! – зловеще произнесла она. – Даже не думай! И не забывай, что у меня есть при себе сальвавирго.

– Это весомый аргумент, – произнес генерал, поднимаясь с пола. – Обещаю, что даже не посмотрю ни на одну доярку, пока у тебя при себе нож. Ну так что?

– Не хочешь устроить небольшие состязания?

– Конные?

– Ну не на собачьих упряжках, не то время года.

– И как ты себе это представляешь?

– Я чувствую себя немного не по себе из-за всех этих провокаций на балу, – ответила она с невинной улыбкой. – Но, знаешь, не сильно, чуть-чуть...

– И что? Хочешь реабилитироваться?

– Что-то в этом роде. Мы могли бы утром посоревноваться, я взяла бы Арабеллу, а ты – Баярда.

– И что дальше?

– Ты дашь мне три минуты форы и поскачешь за мной.

Дистанция от дворцовых ворот до винокурни.

– Это десять верст, а утром у леса туман. Это опасно. Может, в полдень.

– Никаких в полдень! И не преувеличивай, мы знаем эту дорогу как свои пять пальцев.

Самарин неохотно согласился, тропа до винокурни была их любимой прогулочной трассой, и они пользовались ею в любое время суток.

– Ладно.

– Проигравший станет рабом победителя на полчаса.

– На час, – сразу же согласился генерал.

– Согласна! Но ты должен быть в парадном мундире и с саблей.

– Это нечестно! Мундир неудобный, а дополнительное снаряжение будет утяжелять лошадь.

– Боишься проиграть девушке? – провокационно спросила она.

Офицер выругался и попытался обнять жену, но Анна увернулась.

– Значит, да? Ты согласен на мои условия?

– Ладно! – буркнул он. – А сейчас ты поможешь мне уснуть, развратница!

– Что только прикажет мой господин, – прошептала Анна, имитируя говор крестьянки из ближайшей деревни.

Самарин одним движением стянул ночную рубашку с жены. В этот раз Анна не только не защищалась, но и сама при-

жалась к мужу, и генерал сразу же забыл об усталости.

* * *

Самарин поправил саблю и со вздохом засунул в кобуру «наган», и это все под насмешливым взглядом жены. Офицерская честь требовала не упустить ни одного элемента экипировки: если парадный мундир, то парадный мундир.

– Все? – спросила с улыбкой Анна.

Сама она была одета в красную блузку и широкую юбку, разрезанную по бокам, и, конечно же, сидела на коне по-мужски. «Хорошо, что тут никого нет, – подумал офицер. – Поскольку костюм графини оставляет желать лучшего».

– Я готов!

Анна сразу же пришпорила коня и перешла в галоп. Самарин глянул на часы с секундомером. Баярд нетерпеливо фыркал, офицер погладил его по шее, конь чувствовал атмосферу соревнований и хотел как можно быстрее окунуться в нее.

– Ну, старик, – пробормотал генерал, – покажи, на что способен!

Хватило легкого нажатия на бока, и Баярд полетел как стрела, выпущенная из лука. Самарин прижался к шее коня, ветер свистел в ушах, деревья превратились в размытую линию. Постепенно на дорогу выползала белая дымка, видимость уменьшилась до нескольких саженей. Издалека до-

неслось ржание кобылы, но, к удивлению генерала, жеребец не ответил на него и вместо этого тихо фыркнул, наклонив голову влево. Первобытный, животный страх почти парализовал Самарина. Для службы в Конвое отбирались жеребцы из специального питомника. Каждый из них проходил чрезвычайно сложную подготовку, благодаря чему скакуны взаимодействовали с наездниками в гораздо большей степени, чем обычные кавалерийские кони. Баярд подал сигнал: враг слева.

– Анна! – закричал он. – *Caikuna*!

Казалось, что это невозможно, но Баярд ускорился. На одном из кавказских диалектов *caikuna* означало то же, что «пожар», солдаты Конвоя использовали эту команду только в ситуации угрозы жизни. Услышав ее, конь собирал все свои силы и бежал, пока не падал. Раздался выстрел, и на дорогу выскочили двое мужчин, вооруженных карабинами, злобно засвистел воздух, вспоротый лезвием, и на мундир Самарина брызнула кровь.

– Анна!

– Сашка? Что случилось?

Анна вышла из тумана, ведя коня в поводу.

– Немедленно возвращайся домой!

– Но почему? Арабелла чего-то испугалась, и мне нужно было ее успокоить, но... – Она замолчала, заметив окровавленную саблю мужа.

«Слава богу, что эта ловушка была на меня, а не на нее», –

с облегчением подумал Самарин.

– Домой! Немедленно! Сообщи слугам, что на нашей территории злоумышленники.

– А ты?

– Поеду сразу за тобой. Езжай!

Анна кинула на него беспокойный взгляд, но выполнила распоряжение и поскакала во дворец. Из тумана раздалось фырканье коня. Не одного коня. Генерал погладил Баярда.

– Еще повоюем, старик, – сказал он. – Покажем им.

Он вытащил револьвер и замер в ожидании, вслушиваясь в удаляющийся топот копыт Арабеллы. Это вопрос двух минут, во дворце Анна будет в безопасности, и тут только одна дорога. Он задержит их на пять, а может, на десять минут. «Этого хватит», – подумал он.

Из молочной дымки начали выныривать всадники. Первые двое погибли в мгновение ока, даже не заметив поджидającego их офицера. Остальные успели вытащить оружие.

– Ничего. – Самарин перевязал носовым платком кровоточащую рану. – Царапина. Справимся.

Он вытащил ногу из стремени, чтобы достать карабин одного из убитых, однако доносившиеся из тумана звуки сказали ему, что он не успеет. Он откинул бесполезный уже револьвер и вытащил саблю.

– Один! – закричал он, нанося удар по шее бородача в мундире драгуна без знаков различия.

Высокий худощавый мужчина ехал прямо на него, но он

явно не умел воевать верхом на лошади, поэтому через мгновение упал в траву с удивлением на уже мертвом лице.

– Второй!

Кто-то заехал сбоку. Самарин выкрикнул слово силы и свалил оглушенного противника одним ударом. Едва успел заслониться перед атакой следующего.

– Третий!

Он вскрикнул от боли, чувствуя, как шашка врага врезается ему в ребра, слабеющей рукой он отражал сыплющийся град ударов.

– Четв...

Глава IV

Сонный Рудницкий открутил тюбик с зубной пастой и немного выдавил на щетку. Последнее время он думал, а не увеличить ли ассортимент продаваемых в аптеке гигиенических средств за счет нового, более удобного продукта, предлагая альтернативу обычным зубным порошкам. Чтобы исследовать этот вопрос, он решил в течение месяца пользоваться революционной пастой, созданной немецкими аптекарями из Дрездена. Но сегодня его мысли занимал совсем другой, более важный вопрос: он должен был допросить профессора Белинского, обвиняемого в похищении и пытках одной из *theokataratos*. Естественно, в присутствии Станкевича и представителя Проклятых.

Алхимик прополоскал рот и умыл лицо холодной водой, мрачно разглядывая свое отражение в зеркале. Темные круги под глазами и серый оттенок кожи свидетельствовали о недосыпаниях. Было очевидно, что сегодня решится не только судьба Белинского, но и будущее одного варшавского алхимика. Но сколько можно говорить о каком-то будущем...

Рудницкий не спеша оделся и минуту раздумывал, взять ли с собой оружие или бутылочку с гомункулусом, но отказался от этой идеи. Если Тайный совет не согласится на казнь Белинского, он так или иначе умрет от рук *theokataratos*. Не было смысла втягивать в это других, потому он отказался от

компании Маевского и решил отправиться на место встречи обычным экипажем.

Жара разогнала пешеходов, улица перед отелем была почти пустой, только стояла маленькая цветочница, предлагающая слегка привядшие циннии и гладиолусы. Неизвестно почему, у алхимика сложилось впечатление, что лицо Ани грустнее, чем обычно.

– Что-то случилось? – спросил он, подойдя к малышке.

– Мамочка очень больна, – прошептала она с опущенной головой. – Плюется кровью.

Рудницкий мысленно выругался, его нынешнее финансовое состояние позволяло помочь не только одному человеку, но и профинансировать больницу без особого убытка для бюджета. Если бы не проблемы, что беспокоили его, он бы оплатил лечение или даже сам занялся больной. А сейчас было слишком поздно – кто знает, вернется ли он после сегодняшней встречи.

Он встал на колени, не глядя на элегантный костюм, снял с шеи амулет и украдкой всунул его девочке в руку.

– Отдай это маме, – попросил он. – Это ее не вылечит, но точно уменьшит боль. Пусть она носит его на шее. Сделай это прямо сейчас, я покупаю все твои цветы.

Аня ошеломленно смотрела на серебро на своей ладони.

– Это слишком много.

– Наоборот, в самый раз, – сказал Рудницкий. – Ну, беги!

Он поднял руку, подзывая фиакр, и назвал адрес: встреча

должна была состояться на Маршалковской, около границы с анклавом.

Кучер посмотрел на него исподлобья и потребовал двойную оплату. Алхимик молча вручил ему пять рублей и нетерпеливым жестом стал поторапливать. Монотонный цокот обычно убаюкивал Рудницкого, но сегодня все было иначе. Он не питал иллюзий насчет того, почему встреча назначена именно в таком месте: нужно было как-то избавиться от трупов, а тут достаточно было перенести их на территорию анклава. Там ими заинтересовалась бы только местная фауна.

Кучер высадил его перед величественной, но заброшенной каменицей и тут же повернул назад, подгоняя коня. Алхимик вошел в ворота, под ногами неприятно захрустело разбитое стекло – в здании не было ни одного целого окна. Перед дверями, что вели в комнату на первом этаже, стоял офицер в жандармском мундире.

– Ваше превосходительство, – кивнул он, – все уже на месте.

Забитые досками окна пропускали мало света, поэтому прошло какое-то время, пока глаза алхимика привыкли к полумраку. Он распознал Станкевича, за его спиной стояли несколько солдат и один гражданский среднего возраста. *Theokataratos* представляли Зав, Луна и Магнус. Посреди комнаты стоял стул, на котором сидел бородатый мужчина лет пятидесяти. Несмотря на свободную позу и высокомерное выражение лица, было в нем что-то, что наводило на

мысль об узнике.

– Коль все заинтересованные в сборе, можем начинать, – произнес Станкевич.

Зав кивнул:

– Начинаем.

– Сначала послушаем профессора Белинского.

– Я не собираюсь ничего объяснять, – пожал плечами бородач. – Я выполнял свои обязанности. Напомню, что я руководствовался записями, в которых указано, как нейтрализовать угрозу о стороны Проклятых. Лично я не верю ни в какой договор между людьми и этими... животными. Я думаю, что либо господина Рудницкого обманули, либо он перешел на их сторону. Да, я выкрал одну из них. И я проводил над ней опыты, чтобы доказать эффективность определенных средств. Также я решительно протестую против этого странного собрания! Если вы считаете, генерал, что я в чем-то виноват, я хочу предстать перед судом. Легальным судом, а не бандой дышащих жаждой мести *theokataratos*.

– Приговор вынесет барон Рудницкий, а не Проклятые, – спокойно произнес Станкевич. – Сейчас ваша очередь, ваше превосходительство, у вас есть вопросы к профессору?

Алхимик стиснул кулаки: было очевидно, что Белинский хочет повернуть дело так, чтобы использовать природный страх людей перед Проклятыми. Лично он не сомневался, что эксперименты – если таковые действительно проводились – были только ширмой, удовлетворяющей садистским

наклонностям профессора. Только как это доказать? К тому же правда о договоре, заключенном с Проклятыми, подорвала бы доверие к власти Варшавской республики, даже если все поверят, что заключен он был без их ведома.

– Вы сказали, что разоблачили Проклятую? А ведь она выглядела как обычная женщина. Если вы считаете Проклятых такой страшной угрозой, то почему же сразу не доложили, что среди нас разгуливают замаскированные под обычных людей *theokataratos*?

Белинский испепелил алхимика взглядом, но промолчал.

– Отвечайте, профессор, – приказал Станкевич. – Это серьезное обвинение.

– Я собирался сообщить властям, но после того, как получу подтверждение, что она действительно Проклятая.

– И как вы собирались получить эти подтверждения? Прижигая ее грудь и промежность? – рявкнул Рудницкий.

Алхимик надеялся, что бородач взорвется, но в глазах мужчины появился вызывающий блеск. «Это проба сил, – подумал Рудницкий. – Или что-то еще». Он ощутил спазм в желудке, распознав эмоции на лице Белинского: профессор хотел просто позабавиться с Проклятой, и, судя по похотливой ухмылке, ему это понравилось.

– А изнасилование? Это тоже тест? – импульсивно спросил он.

Станкевич вздрогнул, наклонился, чтобы лучше видеть профессора.

– Это правда?

– Вранье! – зарычал Белинский, срываясь с места. – Это все вранье и наговор! Изнасилование! Эта сука трахалась с кем попало!

В голосе профессора зазвучала правдивая, ничем не прикрытая ярость, в которой не хватало удивления, словно мужчина знал, что рано или поздно кто-то выдвинет против него такие обвинения.

Холодное пламя вспыхнуло в животе Рудницкого, потом перешло в вибрацию в позвоночнике, дошло до мозга, наполняя рот вкусом крови и стали. Слоги слова силы зловеще зашелестели, как трущиеся между собой чешуйки, и в руке появился клинок, обманчиво похожий на тот, каким он воспользовался против Проклятого. Голова Белинского подлетела в воздух, и фонтан крови из падающего тела залил всех присутствующих.

– Приговор: виновен! – процедил Рудницкий.

Солдаты потянулись за оружием, таинственный гражданский достал пузырек с радужным порошком, но Станкевич остановил его коротким приказом. На мгновение чувства алхимика перешли на новый, высший уровень, позволяя ему слышать звук стекающих на пол капель крови. Эйфория прошла так же быстро, как и пришла, оставив после себя ощущение пустоты.

– Вы поступили слишком опрометчиво, барон, но мы не будем оплакивать господина Белинского, – наконец произ-

нес офицер. – Сегодня утром я получил информацию, которая частично, но подтверждает ваши слова. Я так понимаю, дело улажено? – обратился он к Проклятым.

– Естественно, – подтвердил Зав. – А сейчас, коль справедливость восторжествовала, позвольте откланяться.

– Прошу прощения, но мы еще не закончили, – запротестовал Станкевич.

– Правда?

– Конечно, вы помните мои замечания относительно договора с *theokataratos*?

Рудницкий глубоко вздохнул, лишь сейчас он ощутил боль напряженных долгое время мышц. Мысль, что он пережил эту встречу, пробивалась в его сознание, стены кружились, словно он только что слез с карусели.

– Я слушаю.

– Я говорю о налогах.

– Ах, об этом...

– Следует как можно быстрее обговорить эти вопросы, но не здесь.

– Ладно, – решил алхимик. – Недалеко отсюда живет моя кузина, напросимся к ней в гости.

Рудницкий первым направился к выходу, не дожидаясь реакции остальных. Желудок и виски пульсировали, но свежий воздух придал ему сил. За спиной он услышал приказ Станкевича, отданный солдатам, – убрать этот балаган. Вот и эпитафия для профессора Белинского: собаке собачья

смерть.

* * *

Анастасия приветливо поздоровалась с ними, нисколько не удивившись этому внезапному вторжению, но, услышав в чем дело, извинилась и предоставила салон в распоряжение Рудницкого. Слуги подали легкие закуски, однако алхимик довольствовался крепким горячим чаем. Даже мысль о еде вызывала тошноту. Зато Станкевич и Проклятые охотно воспользовались угощением, наслаждаясь теплыми, только вынутыми из печи булочками, не отказались они и от десерта.

Алхимик надеялся, что Станкевич сам начнет разговор, но генерал сидел с таким лицом, словно его ничего не интересовало, кроме сорбета из малины.

– Ну ладно, – вздохнул Рудницкий. – Вернемся к налогам...

Собеседники как по команде прервали разговоры про погоду и посмотрели на алхимика.

– Власти Варшавской республики считают, что, проживая на ее территории, *theokataratos* должны платить налоги, как и все другие граждане, – сказал он. – Поэтому первичную материю, что вы дали мне, я передал правительству.

– Все тридцать лотов? – ошеломленно спросил Магнус.

– Сорок, – поправил его алхимик. – До того, как мы перейдем к деталям, я хотел бы знать, что вы об этом думаете?

– В принципе мы не имеем ничего против, – отозвался Зав. – Однако сначала мы хотим получить ответы на некоторые наши вопросы.

– Слушаю.

– Кто будет курировать соглашение с вашей стороны?

– Я и генерал Станкевич.

Рудницкий ожидал протестов, но Зав принял это заявление без возражений.

– Как будем рассчитывать налоги? – вмешалась Луна.

– С человека? – предложил Станкевич.

– Исключено!

– Такие правила, – холодно проинформировал генерал. –

Не вижу причин, чтобы их менять.

– Минутку! – вмешался алхимик. – Я так понимаю, вы не хотите открывать, сколько вас тут.

– Да, – процедил Зав.

– Вы согласны платить налог первичной материей?

– Да, принимая во внимание ситуацию, это самое лучшее решение.

– Какую ситуацию? – наморщил брови Станкевич.

– Я говорю о вашей денежной системе, а скорее о ее отсутствии.

На лице офицера появилось возмущение, но до того, как он успел ответить, Рудницкий взял инициативу в свои руки:

– Как насчет размера месячного платежа?

– Мы будем под охраной государства? – спросил Зав.

Алхимик жестом перевел вопрос на генерала.

– Да, при условии, что вы будете соблюдать правила, как и до этого времени, – подтвердил офицер.

– Десять лотов?

– Сто двадцать граммов? Маловато, – оценил алхимик. – Двадцать пять лотов?

– Сто двадцать шесть граммов, – иронично поправил Магнус.

Зав остановил его ленивым поднятием руки:

– Двадцать.

– С возможностью пересмотра контракта, если вас прибудет больше, – предупредил Рудницкий.

– Согласен.

Проклятые коротко попрощались – коль они уладили все вопросы, не было смысла продолжать знакомство. Только Луна выбивалась из схемы: выходя, она поцеловала Рудницкого в щеку. Алхимик глубоко вздохнул и вопросительно посмотрел на Станкевича.

– И как, генерал? Что вы об этом думаете? Я не мало попросил?

– Двадцать лотов в месяц? Это огромная удача! Тем более нам сейчас очень это пригодится, мы несем финансовые потери. Благодаря договору с Проклятыми мы продержимся еще какое-то время.

– Правда настолько все плохо?

– Правда, серебряные монеты подделываются, и к тому же

никто нам не доверяет, поскольку мы используем чужую валюту. Доходы постоянно падают. Мы думали о вводе новых денег, но наши эксперты не могут гарантировать, что и их не будут подделывать.

– Везде так!

– Не совсем. Как я и говорил, мы много теряем, используя чужую валюту, поскольку все считают, что мы специально не препятствуем изготовлению фальшивых рублей и марок, по крайней мере, не в такой степени, как немцы или россияне.

– То есть проблема только в том, чтобы защитить монеты от подделки?

– Только? Вы же... – Станкевич не закончил предложение, но его взгляд был красноречивее слов.

– Сама защита – это мелочь, хуже с подтверждением, что монета не фальшивая, – махнул рукой Рудницкий. – Поскольку это нужно как-то доказать. Хотя я не знаю, имеет ли смысл этот разговор, в конце концов, мне никто не доверит чеканить новые монеты. Кроме того, я не очень разбираюсь в чеканке монет.

– Если в этом дело, то у нас есть свои специалисты, проблема только в защите. Вы действительно могли бы сделать подделку монет невозможной? – спросил Станкевич с сомнением в голосе. – Наши эксперты ломают над этим голову уже много месяцев!

– Вы знаете, в чем основная проблема отельного бизнеса? – спросил алхимик.

– Без понятия.

– В воровстве серебряных предметов. Большинство из них, как, например, столовые приборы, небольших размеров, поэтому их легко спрятать, ведь не будешь обыскивать гостей. Много отелей обанкротились из-за этого, другие заменили серебро на более дешевый металл, что тоже не решает проблему.

– Почему?

– Поскольку это роняет престиж отеля. И у меня были кражи, пока я не приказал изготавливать отельное серебро из доставляемого мной металла.

Станкевич дипломатично кашлянул:

– И что это изменило? Ведь соответствующие надписи можно было выгравировать и раньше.

– Дело не в надписях. Вы думаете, кто-то волновался, что на украденной им вилке стоит название отеля. Нет, речь идет о другом: к обычному металлу я добавил немного алхимического серебра. В то время как обычный металл безразличен к разного рода магическим воздействиям, то алхимический можно отыскать с помощью простенького заклинания. Монеты, отчеканенные с добавлением серебра, полученного методом трансмутации, будут иметь те же свойства, что и мои столовые приборы. А поскольку невозможно отделить алхимический металл от обычного – оба имеют одинаковые физико-химические свойства, – не удастся изменить пропорции металла в монете.

– Невероятно! – воскликнул Станкевич. – Если бы удалось это сделать, вы спасли бы нашу экономику!

Рудницкий нервно рассмеялся: генерал смотрел на него с такой надеждой, словно ребенок в ожидании новогоднего подарка.

– Это только теория, – сказал он. – Как я и сказал, заклинание простое, но я не знаю, все ли смогут его использовать. Если нет, моя идея ни на что не годится, поскольку проблематично бегать с каждой монетой к магу. К тому же следует рассчитать процент алхимического серебра в сплаве, ведь если его будет слишком много, то мошенники смогут заменить часть сплава обычным металлом, а монета все равно среагирует на заклинание.

– Когда мы смогли бы это проверить? – быстро спросил офицер. – Помните, это дело является наивысшим... слышите? наивысшим приоритетом!

– Завтра?

Станкевич с недоверием покачал головой.

– Поздно? Но сегодня я точно не успею.

– Нет, что вы! Завтра в самый раз. А сейчас я хотел бы поблагодарить за гостеприимство вашу кухню. Мне пора. Я должен подать отчет. – Он поднял указательный палец вверх.

– Я понимаю, – буркнул Рудницкий.

– Вас отвезти? У нас три машины, а тут трудно поймать экипаж.

– С удовольствием, – с благодарностью в голосе сказал ал-

химик.

– В отель?

– Нет, в полицию. Я должен наконец поговорить с начальником полиции Бунде.

– Наконец?

– Несколько дней назад я отправил туда своего человека, но господин начальник не нашел для меня времени. Мне дали понять, что я должен прийти лично.

– Я мог бы как-то помочь?

– Нет, нет! Я сам справлюсь.

Не секрет, что армия борется с полицией за влияние. «Не хватает мне еще межведомственной войны», – подумал с раздражением алхимик.

* * *

Главное управление полиции размещалось на Новом свете, в бывшем отеле «Савой». Высокое здание в стиле модерн производило впечатление, хотя вооруженная охрана у входа и офицеры в мундирах в холле казались тут не к месту.

Рудницкий подошел к дежурному полицейскому, представился и показал документы. Несмотря на его опасения, появившиеся из-за того, как тут приняли Маевского, дежурный сразу же соединился с кабинетом начальника полиции, после чего показал алхимику дорогу к лифту.

Начальник полиции Бунде оказался худощавым мужчи-

ной в самом расцвете сил, с ярко выраженной сединой на висках. Его лицо с невзрачными чертами и едва обозначенным подбородком напоминало оттиск стертой печати, а водянистые глаза вспыхнули энтузиазмом при виде Рудницкого.

– Приветствую вас, барон! – Он энергично затряс руку алхимика. – Как мило, что вы меня посетили!

Рудницкий едва сдержался от ответа, что прибыл сюда не для удовольствия начальника, и, подавляя нетерпение, спросил об успехах в деле убийства Хелены Трач, известной также как Алиса Замойская.

– А, вы говорите про ту молодую девушку? Дойдем и до этого, – заверил он. – А сейчас садитесь, ваше превосходительство. Коньячку?

Не дожидаясь ответа, полицейский вытащил бутылку «Отарда».

– Немного, – буркнул Рудницкий, ошеломленный поведением полицейского.

– Чудесный, не так ли?

– Действительно хорош!

– В четверг мы с женой устраиваем небольшой прием, и мы были бы рады, если вы посетите нас. Вот моя визитка. Мы начинаем в семь вечера.

Алхимик инстинктивно взял прямоугольную карточку и недоверчиво посмотрел на нее: очевидно, господин Бунде решил повисить свое социальное положение, приглашая

Рудницкого на прием, даже не допуская возможности отказа. Более того, казалось, что помощь в расследовании полностью зависит от участия в этом рауте. «Безумие какое-то, — подумал Рудницкий. — Каким чудом кто-то такой мог стать начальником полиции?»»

— Что ж, в принципе...

— Прекрасно! — воскликнул Бунде. — В таком случае мы договорились. А сейчас, что касается этого неприятного дела...

— Да?

— Им занимается некий Ангелов, опытный детектив, еще с царских времен.

— Россиянин?

— Да, но проверенный.

Несмотря на это заверение, морщина на лбу начальника полиции говорила о том, что господин Ангелов не входит в число его любимчиков.

— Он грубый, если не сказать хам, хотя знает свое дело.

— Я могу с ним поговорить? — быстро спросил алхимик. — Вы понимаете, у меня есть определенные обязательства.

— Мадам Росси? — рассмеялся Бунде.

Как будто мимоходом он прикоснулся к цепочке часов, украшенной — какое совпадение! — кулоном в виде купидона.

— Не только. Расследованием заинтересовались правительство и Тайный совет.

На мгновение в глазах полицейского появилась тень бес-

покойства, однако она быстро исчезла, отогнанная пренебрежительным жестом.

– Это трагическая смерть, конечно, но на такие вещи надо смотреть в целом. С тех пор как я стал начальником полиции, количество оккультных убийств снизилось почти до нуля. Однако не бывает идеальных людей. – Он развел руками с притворной скромностью.

Рудницкий силой воли расслабил пальцы, что сжали бокал. «Еще покалечусь, – подумал он. – Или дам по морде этому фанфарону. Однако как хорошо, что я наконец узнал, кому мы обязаны спокойствием со стороны Проклятых. Забавно было бы познакомить начальника полиции с Завом или Луной и попросить объяснить, каким образом он усмирил *theokataratos*».

– Где мне найти... как его там? Антонова? – спросил алхимик с притворной беспечностью.

– Ангелова, – поправил его Бунде. – Как все комиссары, он в кабинете на втором этаже. Вы действительно больше не хотите? – Он поднял бутылку с коньяком.

– Спасибо, вы же понимаете... обязательства.

Правда, по физиономии начальника полиции нельзя было прочесть хоть какого-то понимания, Бунде кивнул и поднялся, чтобы попрощаться с алхимиком.

– В случае проблем можете обращаться ко мне, – сказал он. – И не забудьте про прием!

Рудницкий заверил, что уже не может его дожидаться, и как

можно быстрее покинул начальника полиции.

– Ангелов, Ангелов, – бурчал Рудницкий, сбегая по ступеням. – Почему его не уволили после российского наступления?

В то время как на высшем этаже царил покой, прерываемый только звуком неторопливых шагов или стуком печатной машинки, второй и первый этажи были владением полицейских. Громкие разговоры, хлопанье дверями и даже крики создавали хаотичную, но приятную для уха увертюру. Возможно, потому, что тут никто не делал вид, что работает, и не пытался произвести впечатление на алхимика. Он спросил, где найти Ангелова, и получил краткую инструкцию, как дойти до кабинета россиянина, после чего его собеседник, рыжеволосый мужчина в плохо выглаженном пиджаке, отвернулся и продолжил дискуссию о последних скачках.

Алхимик постучал в ничем не приметную дверь и подождал приглашения, не зная, правильно ли он попал, поскольку здесь было двадцать таких дверей.

– Войдите!

Кто бы ни работал в этом кабинете, он говорил по-польски без малейшего акцента. Рудницкий нажал на ручку и вошел в небольшое, заставленное шкафами помещение. Мебель хоть и обычная, но явно из прошлого века, с российскими инвентарными обозначениями.

Мужчина, сидевший за столом, был его возраста, но угловатое, обветренное лицо с выцветшими на солнце светлыми

волосами могло принадлежать как тому, кому было далеко до пятидесяти, так и тому, кому уже за пятьдесят. Темные глаза смотрели устало, но внимательно, замечая каждую мелочь.

– Ваше превосходительство, комиссар Ангелов, – представился россиянин на безупречном польском языке. – Я надеялся, что мы встретимся.

– Я рад, что господин Бунде предупредил вас о моем визите. – Рудницкий протянул ему руку. – Я хотел бы... – Он замолчал, увидев жест россиянина: тот указывал на стены и потолок. – Я хотел бы поговорить на свежем воздухе, тут как-то душно, – продолжил он. – И я был бы благодарен, если бы вы взяли с собой акты дела. Если только их можно выносить на улицу.

– Начальник полиции приказал мне выполнять все ваши распоряжения, – ответил Ангелов с каменным лицом. – Мы же не далеко отойдем, с другой стороны улицы находится кафе с двориком.

– В таком случае идемте, – решил алхимик.

Полицейские в коридоре не обращали на Рудницкого никакого внимания, похоже, только Ангелов знал, кто он такой, но они с уважением здоровались с россиянином. «Может, я наконец-то нашел кого-то компетентного. Если бы...» – подумал Рудницкий. Поскольку трудно допустить, что убийцу найдет тот, кто участвует в жизни варшавской элиты. И, кажется, вся помощь со стороны начальника полиции ограни-

чится проведением приема...

* * *

Рудницкий подождал, пока отойдет официант, после чего открыл тонкую картонную папку. Акты были совсем скромные: всего несколько фотографий безголового трупа и несколько страниц медицинской экспертизы. Алхимик внимательно прочитал их, но там не содержалось ничего интересного, кроме того, что обезглавливание было произведено при жизни жертвы. Символы, нанесенные убийцей на тело жертвы, были ему знакомы со времен российской оккупации. Значит, подражатель. «Нужно будет поговорить с Анастасией, а может, и с Луной», – пришел к выводу Рудницкий.

– Ну хорошо, – сказал он, откладывая документы. – Почему вы не хотели разговаривать в кабинете?

– Как вы видите, мы мало что сделали, – осторожно ответил россиянин. – И не потому, что кто-то ленится. Это скорее проблема неблагоприятного... климата.

– Я не понимаю, – наморщил брови Рудницкий. – Начальник полиции обещал всякую помощь, а этим делом он занимается уже какое-то время?

Ангелов вздохнул и окинул алхимика полуироничным-полунедоверчивым взглядом.

– Не бойтесь, все, что вы скажете, останется между нами, – пообещал Рудницкий. – В чем дело?

– Вы знаете, что Бунде контактирует с «Золотым дворцом»?

– Да.

– А вы? – резко спросил россиянин.

Алхимик молча продемонстрировал кулон на часах. Ангелов присвистнул и кивнул.

– Проблема в том, что начальник полиции затаил злобу на мадам Росси и решил ей отомстить. Понятно, что он не высказал ей этого прямо в глаза, просто он саботирует это расследование.

– И по какой же причине?

– Девочки мадам Росси сами выбирают себе клиентов, а начальник полиции не входит в число объектов их воздыхания. Он, конечно же, многократно пользовался услугами «Золотого дворца», но симпатию ему выказывали женщины с определенным опытом, а из того, что мне известно, Бунде мечтает о молоденькой. Я его даже понимаю, только никогда не стал бы рисковать чужой жизнью ради собственных прихотей, а у него нет таких тормозов.

– То есть вы мне не поможете? – гневно спросил Рудницкий.

– Почему же? Помогу! Бунде – крыса, никогда не вступит в открытую конфронтацию с кем-то, кто может его уничтожить. Поскольку он поручил мне расследование и приказал выполнять все ваши приказы, я сделаю все, что в моих силах. Только не рассчитывайте на полицию, в каждом комис-

сариате есть его люди, которые получили соответствующие инструкции. Поэтому я хотел поговорить тут, а не в своем кабинете.

– Как я понимаю, начальнику полиции вы не слишком нравитесь.

– Естественно.

– Тогда почему он вас не выгонит?

– Я ему нужен. Я знаю этот город, как никто другой, я начал работу в полиции почти сорок лет назад, когда президентом Варшавы стал генерал Старынкевич. А иногда случаются такие дела, в которых нужны знания и опыт, которыми не обладают протеже Бунде, поэтому меня терпят.

– Я понял. У вас есть какие-нибудь мысли насчет этих убийств и пропажи подопечных мадам Росс?

– Во-первых, таких инцидентов было больше. Это точно. Бунде заблокировал утечку информации, иначе, если бы оказалось, что это серийные убийства, ему пришлось бы начать что-то делать.

– А во-вторых?

– Вы знаете, я никогда не верил в сверхъестественные силы, однако в этот раз... – россиянин замолчал, закусив губу.

– Ну?

– Кто-то должен был усыпить их и вынести из дома, а проблема в том, что это в принципе невозможно.

– Но это только две молоденькие девицы. Любой сильный мужчина мог бы вырубить их.

– Точно не любой.

– Объясните.

– Вам что-то говорит название «каларипаятту»?

– Нет, а должно?

– Это боевое искусство Индии, включает в себя удары ногами и руками, фехтование и захваты, немного напоминающие борьбу. В Индии ему обучают и девочек. Очень эффективное, не требующее грубой силы боевое искусство, в нем важнее координация движений, скорость, точность и гибкость. Каларипаятту обучают многих из девушек «Золотого дворца». Те две, которые пропали, были очень хороши в этом. Также и Хелена Трач.

Алхимик задумчиво кивнул, проклиная свою невнимательность. Госпожа Юлия показала ему свои навыки, а он не обратил на них внимания. Вывод? Полицейский прав: к этому делу приложили руку Проклятые.

– Я ожидал возмущения или, по крайней мере, недоверия, – замерил Ангелов. – А вы даже не удивлены. Я могу узнать почему?

– Одна из девушек устроила мне небольшой показ.

В глазах россиянина сверкнули веселые огоньки, но мужчина воздержался от комментария.

– А откуда вам известны все эти детали? Вы разговаривали с девочками мадам Росси?

– И разговаривал тоже, – ответил с каменным лицом Ангелов. – Так что будем делать?

– А что вы предлагаете? – ответил вопросом на вопрос Рудницкий.

– У меня есть свои информаторы, но, чтобы из них что-то вытянуть, нужны деньги. Я никогда не опускался до шантажа, – пояснил он. – А еще я мог бы проникнуть в преступный мир Варшавы, но на это потребуется время. Я боюсь, когда вести о том, что я делаю, дойдут до начальника полиции, а они точно до него дойдут, я получу приказ заняться чем-то другим.

– В случае чего я поговорю с вашим шефом, – задумчиво ответил Рудницкий. – Если кто-то другой встанет у вас на пути, покажите ему мою визитку и скажите, что действуете по моему распоряжению. А что касается денег, две тысячи рублей серебром хватит?

– Хватит, этого даже много.

– В таких делах, как это, трудно предугадать расходы. За деньгами отправляйтесь в отель, к Маевскому. Он моя правая рука. Если вы узнаете что-то важное, а меня не будет на месте, можете рассказать все ему. Он будет знать, как меня найти. И еще одно: мне нужна только информация, поэтому не вступайте в конфронтацию! Это понятно?

Ангелов несколькими глотками допил кофе и резким жестом отставил чашку.

– Не всегда можно избежать столкновений, – буркнул он. – Кроме того, до этого времени я как-то сам справлялся. Рудницкий закатил глаза, полицейский явно обиделся.

«Если я его не смогу переубедить, он сам набьет себе шишки, только чтобы доказать свою правоту, – подумал алхимик. – Черт его побери, но мне нужен этот идиот».

– Ну ладно, – вздохнул алхимик. – Кто мог бы вас заменить?

– Заменить?

– Тут ничего необычного. Если вы меня не слушаете, первый же попавшийся вам маг или Проклятый убьет вас до того, как вы успеете сказать: «Рудницкий был прав». И тогда мне потребуется новый помощник.

Россиянин покраснел, казалось, что он сейчас взорвется, но через мгновение его губы растянулись в улыбке.

– А вы умеете переубеждать, ваше превосходительство, – наконец сказал он. – Я прислушаюсь к вашему совету.

Алхимик поблагодарил кивком и кинул на стол горсть монет, поднял руку, подзывая экипаж. Самое время возвращаться в отель и лабораторию.

* * *

Рудницкий шепотом произнес три слога заклинания и начертил в воздухе символ, напоминающий сломанный квадрат. Лежащий на столе кусок серебра на мгновение засиял пурпурным. Алхимик беспомощно выругался и расправил сгорбленные плечи, даже маленькая частичка алхимического сплава реагировала на колдовство. Выходит так, что, если

у мошенников будет хоть одна монета с добавлением алхимического серебра, они смогут отлить или отчеканить любое количество фальшивых. Не намного лучше выглядела ситуация с тестовым заклинанием: воспользоваться чарами могли двое из десяти человек.

Невеселые размышления алхимика прервали звуки курантов: отельные часы пробили полночь. Рудницкий погасил свет и вышел из лаборатории, усталые глаза пекло, словно в них попал песок, а занемевшие от неудобной позы мышцы реагировали болью. «Горячая ванна и кровать, – подумал он. – Ну и надо будет объяснить Станкевичу, почему гениальный план не сработал».

До того как он попал в свои апартаменты, освещающая коридор электрическая лампочка замигала и погасла. Рудницкий развернулся и на ощупь направился к дверям, что вели в холл. В отелем вестибюле также царил мрак.

– Охрана! – закричал алхимик. – Свет!

За стойкой регистрации зажглась керосиновая лампа, через минуту еще одна.

– Где Маевский?

– Я видел, как он спускался в подвал, – нервно ответил портье. – Наверное, он проверяет, что случилось.

Рудницкий одобрительно что-то буркнул, в подвале находились предохранители, контролирующие всю электросеть отеля.

– Что с клиентами?

– Отправил людей на каждый этаж, чтобы зажгли керосиновые лампы. Пока не поступало никаких жалоб.

Алхимик с облегчением перевел дыхание и присел в кресло. Портье сразу же поставил на его столик лампу.

– Подождем, – решил Рудницкий. – Хорошо, что все гости уже спят.

– Кофе? – предложил портье.

– Пожалуй.

Рудницкий усталым жестом помассировал виски, последние дни напоминали бешеную скачку без седла. Поток событий не позволял расслабиться, а тем более отдохнуть, нервное напряжение сказывалось все сильнее. «Еще месяц или два – и мне самому потребуется врач», – кисло подумал он.

Входные двери с треском открылись, и в холл зашли несколько человек отельной охраны. Вооруженные до зубов, они окружали двух потрепанных женщин.

– Что случилось? – взволнованно спросил алхимик.

– Мы нашли их перед дверями, – доложил седоволосый мужчина. – Связанных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.